

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

**«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)**

**ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИЧЕСКИЙ
КАФЕДРА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ И ПРАВА**

**Особенности исторического развития России в трудах
евразийцев**

**Выпускная квалификационная работа
по направлению 44.04.01. Педагогическое образование
Направленность программы магистратуры
«Историческое образование»**

Проверка на объем заимствований:
76,7 % авторского текста

Работа рецензирована и
«15» мая 2020г.

зав. кафедрой отечественной
истории и права
[Signature] Уваров П. Б.

Выполнил:
Студент группы ОФ – 201 / 121-2-1
Шлейков Михаил Дмитриевич

Научный руководитель:
к.и.н., доцент кафедры
отечественной истории и права
[Signature] Уваров П. Б.

Оглавление

Оглавление.....	2
Введение.....	3
ГЛАВА 1. ЕВРАЗИЙСТВО КАК НАУЧНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА	15
1.1. История евразийского движения.....	15
1.2. Историческое и культурологические взгляды евразийцев	23
ГЛАВА 2: ЕВРАЗИЙСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ РОССИИ.....	44
2.1 Геополитические идеи евразийства. Проблема «месторазвития» России в историческом контексте.....	44
2.2. Евразийцы о сущности и истории Русского государства.....	53
Заключение	67
Библиографический список	70

Введение

Проблема «Восток-Запад» волновала умы русских людей с XIX века. Ответ на вопрос об особенностях русского народа, России как страны и особого культурно-политического типа пытались дать славянофилы и западники. Первые считали, что Россия больше тяготеет к славянскому миру, и имеет особый культурный тип, основанный на православии, самодержавии и народности. Вторые позитивно оценивали преобразования Петра I, выступали за отмену крепостного права, и считали, что Россия должна идти по пути развития западных стран.

Позже, в XX веке, в эмигрантской среде зародилось новое течение — евразийство, предложившее альтернативный взгляд на проблему принадлежности «Восток-Запад». Согласно нему, Россия является наследницей Монгольской империи, синтезом древнерусской и монгольской культур, продуктом которого явилось государство, в равной степени сочетающим черты как того, так и другого.

Со временем идеи евразийства обрели популярность в узком кругу учёных. В настоящее время, евразийство является одним из популярных историко-философских направлений. Особенной популярностью евразийство пользуется в России и Казахстане. За последнее время создано множество паневразийских организаций, проводятся научные симпозиумы и т.д.

Актуальность евразийства в XXI веке во многом связана с поиском нового идейного ориентира. Во времена духовного и социального кризиса, последовавшего за развалом СССР, общество начало поиск новой общенациональной идеи, которая могла бы объединить людей на постсоветском пространстве. В этих условиях обращение к трудам историков 1920-х годов имеет определённый смысл, поскольку в данный период Европа находилась на распутье после Первой мировой войны и первой социалистической революции. Особенно остро переживали происходящие цивилизационные трансформации эмигранты из

России, перед которыми стояли фундаментальные вопросы, во многом аналогичные тем, что и сегодня стоят перед страной.

Но самое главное объяснение популярности евразийства заключается в том, что большая часть населения РФ подсознательно воспринимает Россию как самодостаточный, особый культурный мир. В данной связи отдельные аспекты евразийства становятся востребованными многими политическими партиями и движениями в России, поскольку евразийство в данном аспекте представляет собой такую идеологию «третьего пути».

Степень изученности темы

Обзор литературы Исследование истории евразийства как философского и общественно-политического течения началось еще в 1920-е годы практически одновременно с его возникновением. На текущий момент, объем исследований по данной теме является крайне обширным. Евразийству посвящали свои труды многие русские и зарубежные исследователи самых разных направлений, однако большинство из них рассматривали его с точки зрения проблемы занимаемого данным течением места в русской философии и общественно-политической мысли.

Таким образом, литературу по теме исследования можно разгруппировать на основе разных подходов к проблеме идейно-политического содержания и исторического значения евразийства.

Одним из первых подходов к евразийству, зародившийся в среде русской эмиграции, рассматривает его как вариант реакционно-националистической идеологии, своеобразный «русский расизм». Наиболее активными приверженцами этой точки зрения были либеральные русские историки-эмигранты П. Н. Милюков¹ и А. А. Кизеветтер². Данные авторы, останавливаясь на проблеме культурной принадлежности России к

¹Милюков П. Н. Третий максимализм / Вандалковская М. Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». // Москва: Институт российской истории РАН, 1997. – С. 326–330.

²Кизеветтер А. А. Евразийство // Между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Москва: Институт философии РАН, 1993. – С. 266–277.

Востоку или Западу, оспаривали тезис евразийцев о принадлежности России к Азии, увидев в этом националистическое стремление утверждения России как обособленного от Европы мира. Другой фундаментальной проблемой, поставленной данными исследователями, являлось противоречие между общечеловеческими и национальными элементами, в котором они отстаивали положительное существование общечеловеческих ценностей как внутреннего фактора развития культуры любого народа, отрицая при этом евразийский релятивизм и обвиняя последний в узко националистическом взгляде на данную проблему.

Данный подход был продолжен в ряде работ современных неолиберальных исследователей, хотя и был слегка видоизменен при повторении старых аргументов. Такие авторы, как Л. М. Люкс¹, В. А. Сендеров², а также А. Л. Янов³, рассматривали евразийство как разновидность тоталитаризма. Наиболее важным для них представляется противоречивый характер евразийского течения, которого данные авторы причисляют к разряду тоталитарных. Решающим фактором в данном вопросе для данных авторов является этатистская направленность евразийства, харизматичность идеократической доктрины, а также четкая приверженность к государственноцентричной экономике, подчиняющей себе частную собственность. Однако в отличие от родоначальников данного подхода, современные авторы однозначно указывают на принадлежность общечеловеческих ценностей к европейской культуре. Россия для них является «неполноценной Европой», обремененной азиатским наследием, а евразийство — реакционной доктриной с ярко выраженным азиатским уклоном. С точки зрения данных авторов, некоторые современные течения в евразийстве (например, нео-евразийство А. Г. Дугина) рассматриваются как вариант реваншистской,

¹Люкс Л. М. Евразийство // Вопросы философии, 2003. – № 7. – С. 23–34.

²Сендеров В. А. Евразийство – миф XXI века // Вопросы философии, 2001. – №4.– С. 47–57

³Янов А. Л. После Ельцина. «Веймарская» Россия. // Москва : КРУК, 1995. – 316 с.

«красно-коричневой» идеологии, которая только усиливает свойственные евразийству тоталитарные тенденции. Кроме того, почти все авторы данного направления решительно отрицают преемственность евразийцев от славянофилов, считая их полностью самостоятельным идейным течением, хоть и позаимствовавших частично славянофильские идеи.

Второй подход к проблеме определения места и роли евразийства в российской идейно-политической мысли был предложен одним из основателей евразийства Г. В. Флоровским¹. Он заключался в рассмотрении евразийства как наследника славянофильства, сумевшего поставить важные вопросы перед общественной мыслью русской эмиграции, но не сумевшего дать на них ответ. Главной проблемой для Флоровского и его современных последователей является противоречие между христианской философией истории и евразийской теорией культурно-исторических типов. Они утверждали несовместимость личной духовной свободы и коллективных политических и социально-экономических начал, которые евразийцы видели в новой большевистской России. Это привело неославянофилов к признанию неустранимого противоречия между свободным историческим творчеством, связанным с личным нравственным выбором, и евразийским принятием революционной действительности как неизбежной и необходимой. По мнению Георгия Флоровского и его современных последователей С. С. Хоружего², В. А. Соболева³, Н. А. Нарочницкой⁴, Л. В. Пономаревой⁵, именно из-за своего исторического «натурализма» евразийцам так импонировала идея сильной государственной власти, что, в

¹Флоровский Г. В. Евразийский соблазн / Георгий Флоровский. Из прошлого русской мысли. // Москва: Аграф, 1998. – С. 311–343.

²Хоружий С. С. Трансформация славянофильской идеи в XX веке // Вопросы философии, 1994. – №11. – С. 52–62.

³Соболев А. В. Князь Н. С. Трубецкой и евразийство // Москва : Литературная учеба, 1991. – №6. – С. 121–130.

⁴Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории / Н. А. Нарочницкая // – Москва: Издательство «Международные отношения», 2003. – С. 102–113.

⁵Пономарева Л. В. Вокруг евразийства: споры в русской эмиграции // Евразийская идея и современность. Москва: 2002. – С. 30–37.

конце концов, пришли к выводу, что в большевистском режиме кроется ключ к спасению России. Кроме того, они критиковали евразийцев и за попытку подвести историю России под азиатский знаменатель. Не отрицая важности изучения азиатской стороны русской истории, они считали неоправданным восхваление её монгольского периода и утверждения евразийцев о происхождении России как продукта синтеза русской и монгольской государственности, пренебрегая византийской стороной русской культуры.

Третий подход к евразийству еще в 1920-е годы выработал известный религиозный философ И. А. Ильин¹. В его интерпретации, евразийство предстает как исключительно интеллигентское течение, лишенное национальных корней, и как измена национальной и православной сущности России. Ничего ценного для возрождения России в этом течении он и его последователи не видели.

Четвертый подход к евразийству выражен в работах Н. А. Бердяева² и В. В. Зеньковского³. Эти авторы считали евразийство разновидностью русского утопизма. При этом Бердяев подчеркивал его государствоцентричность. Справедливости ради, Бердяев признавал, что Россия является как европейской, так и азиатской страной, в которой веками шло противоборство между двумя стихиями. Тем не менее, он, как и его последователи, считал тщетной попытку евразийцев реализовать свои политические идеи.

Несмотря на то, что евразийство в СССР было под запретом, как течение связанное с русской эмиграцией, в советской исторической науке после 1970 года, и особенно в период перестройки появился ряд работ, посвященных евразийству. Среди авторов данных работ были распространен-

¹Ильин И. А. Самобытность или оригинальничанье / И. А. Ильин // Мир России–Евразия. Москва: Высшая школа, 1995. – С. 349–353.

²Бердяев Н. А. Утопический этатизм евразийцев / Н. А. Бердяев //Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. Москва: Ин–т философии РАН, 1993. – С. 301–306.

³Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа / В. В. Зеньковский. //Москва: Республика, 1997. – С. 81–86.

ны два взгляда на место евразийства в русской истории:

– первый был связан с взглядом на евразийство как на реакционное, религиозно-философское течение, некий аналог славянофильства в религиозной оболочке, претендующий на научность. Приверженцами данного взгляда были Г. Ф. Барихновский¹ и Л. К. Шкаренков²;

– вторая группа исследователей считала евразийство одним из вариантов сменовеховства в более широком смысле. В ранних работах И. А. Исаева³ евразийство предстает как попытка компромисса с советской действительностью. Данные авторы констатируют нежизнеспособность попыток евразийства примирить две противоборствующие стороны.

90-е годы XX века отмечены новым всплеском интереса к евразийству: с 1992 года вышли в свет многочисленные статьи, диссертации, сборники, конференции, посвященные данному течению. Современные исследователи крайне неоднозначно оценивали будущее евразийства в российском обществе и его место в идейно-политическом наследии русской философской мысли. Оригинальный подход к анализу евразийства таких авторов, как М. Г. Вандалковская⁴, Н. А. Омельченко⁵, Л. И. Новикова и И. Н. Сиземская⁶, заключался в трактовке евразийства как оригинального эмигрантского течения, возникшего под влиянием Первой мировой войны, Великой русской революции и вынужденной эмиграции большей части

¹Барихновский Г. Ф. Идеино–политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции / Г. Ф. Барихновский. // Москва: Издательство ЛГУ, 1977. – 160 с.

²Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции / Л. К. Шкаренков. // Москва: Мысль, 1986. – 272 с.

³Исаев И. А. Идеинный крах сменовеховства: (о политической программе «евразийства») // Буржуазные и мелкобуржуазные партии России в Октябрьской революции и гражданской войне. Материалы конференции. Калинин–Москва: КГУ, 1980. – С. 203–222.

⁴Вандалковская М. Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн» // Москва.: ИРИ РАН, 1997. – 349 с.

⁵Омельченко Н. А. «Исход к Востоку»: евразийство и его критики / Н. А. Омельченко // Евразийская идея и современность. Москва.: Изд–во Российского ун–та дружбы народов, 2002. – С. 10–29.

⁶Новикова Л. И. Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн / Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская // Москва: Институт философии РАН, 1993. – С.3–23.

русской интеллигенции. Они считали евразийство общественно-политическим явлением русской философской мысли, окончательно завершившимся к 1939 году, и поэтому крайне негативно оценивали современные течения в российском евразийстве, считая их нежизнеспособными в ближайшем обозримом будущем.

Целый ряд зарубежных и российских исследователей-политологов, рассматривали евразийство как чисто геополитическую доктрину, учитывающую прежде всего роль географического местоположения России в мире и призванную решить поставленные перед Россией геополитические задачи. Такими авторами являются С. Хантингтон¹, З. Бжезинский². Также из зарубежных исследователей особо выделяется М. Ларюэль, которая подробно разобрала деятельность евразийского движения и анализ его идей в контексте философского дискурса 1920–1930-х гг.³

Среди авторов, причисляющих себя к неоевразийству — современному наследнику классического евразийства, также существует многообразие подходов к определению роли и места данного течения в истории России.

Часть исследователей рассматривает евразийство как вариант национально-державной идеи — это Л. Н. Гумилев⁴ и его соратники: Д. М. Балашов⁵ и В. А. Мичурин⁶, а также ряд независимых исследователей, таких

¹Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Москва: Мидгард, АСТ, 2006.– 576с. – ISBN 978-5-17-039454-8.

²Бжезинский З. Великая шахматная доска. // Москва: Международные отношения, 2000. – С. 133–135. – ISBN 978-5-17-106452-5.

³Марлен Ларюэль. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи // Москва: Наталис, 2004. – 287 с. – ISBN 5-8062-0087-6

⁴Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии. От Руси до России. Очерки этнической истории / Л. Н. Гумилев // Москва: Издательство «Айрис-Пресс», 2011. – 320 с. – (Библиотека истории и культуры). – ISBN 978-5-8112-4173-6.

⁵Балашов Д. М. Через бездну (Россия на рубеже третьего тысячелетия) // Завтра, 2000. – № 6. – URL: <http://gumilevica.kulichki.net/BDM/bdm03.htm> (дата обращения 13.05.19)

⁶Мичурин В. А. Двадцатое столетие в России через призму теории этногенеза Л. Н. Гумилева. Доклад на четвертых Гумилевских чтениях (Москва, 2000 г.) // URL: <http://gumilevica.kulichki.net/MVA/mva04.htm> (дата обращения 13.05.19)

как И. Б. Орлова¹. Последняя, например, выделяет в истории евразийства три этапа, причем первым этапом считает 60–70-е годы XIX века, анализируя русскую геополитическую мысль того времени (Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева) не просто как предшественницу евразийства, а как непосредственно евразийскую.

Особенным взглядом на евразийство отличается основатель политической партии «Евразия», идеолог неоевразийства А. Г. Дугин². Он помещает евразийство в широкий исторический контекст, считая его глобальным явлением. По мнению Дугина, евразийство представляет собой концепцию «Третьего пути», призванную совместить ультралевые формы политической, экономической и социальной жизни с архаичным религиозным содержанием. Евразийство выступает у него как вариант фундаменталистского синтеза в широком смысле этого слова. Еще один исследователь В. Я. Пащенко³ считает, что евразийство в его классическом варианте являлось совершенно законченной формой самобытного и новаторского идейно-политического течения, итогом эволюции русской философско-политической мысли. Автор этого подхода акцентирует внимание на структуралистском характере евразийства, на взаимосогласованности и многообразии его методов, с помощью которых может быть выделена сущность России-Евразии на всем протяжении ее исторического бытия.

Также можно выделить представителя «академического евразийства» — А. С. Панарина⁴, рассматривавшего евразийство с позиции функционирования России в условиях постсоветского пространства, концентрируя внимание на геополитических и межэтнических проблемах.

¹Орлова И. Б. Евразийская цивилизация. Социально-историческая ретроспектива и перспектива // Москва: Норма, 1998. – 275 с.

²Дугин А. Г. Мыслить пространством / А. Г. Дугин // Основы геополитики. Москва.: Арктогея-центр, 2000. – С. 583–914.

³Пащенко В. Я. Евразийская идея и современность // Москва: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2002. – С. 72–92.

⁴А. С. Панарин. Россия в циклах мировой истории. / Панарин А. С. –Москва: Издательство МГУ., 1999. –С. 175.

Из недавних исследователей можно выделить С. Глебова¹. Данный автор рассматривает евразийство как модернистский проект, возникший в результате смешения политического национализма, возникшего под влиянием романтизма XIX века и западной научно-политической мысли, и империализма, являющегося пережитком старины. Попытки совместить новое со старым и привели в итоге к формированию общественно-политического движения, призванного сгладить острые углы национальных противоречий, свойственных народам, населяющим империю и созданию общевразийского государства, идеологически противоположного европейскому миру. В конечном счете, борьба противоположностей и сформировала внешний облик евразийства.

В итоге, можно сделать вывод о том, что в процессе изучения феномена евразийства его исследователями был проведен многосторонний анализ проблем, поставленных евразийцами перед русской общественно-политической мыслью. Однако точки зрения на евразийство остаются крайне полярными, в зависимости от взглядов конкретного исследователя. Единственно, что отмечают практически все авторы, занимавшиеся данной темой — это то, что евразийство явилось новаторским течением, которое трактовалось крайне неоднозначно в различных источниках. Так, в частности, его определяли как «идейно-политическое и философское течение в российской эмиграции»², как «морфологический комплекс идей и интеллектуальное движение»³, как «социально-философскую концепцию»⁴ и т.д. Даже трактовка самого термина разнится, в зависимости от исследователя.

¹ С. Глебов. Евразийство между империей и модерном / Глебов С. – Москва: «Новое издательство», 2010. – 419 с.

² Евразийство // Русская философия. Энциклопедия. URL: https://philosophy_rus.academi.c.ru/188/%D0%95%D0%B2%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE. (дата обращения 01.10.19)

³ Грицанов А. А. Евразийство // Новейший философский словарь, Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. – С. 351–353.

⁴ Иванов В. Н. Евразийство // Политическая энциклопедия. Москва.: Мысль, 1999. т. 1. – С. 371–372.

Во многих диссертациях и научных работах, его рассматривали как «течение русской эмигрантской мысли»¹, как «оригинальное геополитическое течение»² или как «общественно-политическое течение»³. На наш взгляд, данный факт свидетельствует о крайней сложности и многогранности евразийства, а также его нераскрытом потенциале.

Цель работы: Целью диссертационного исследования является выявление особенностей исторического развития России в контексте евразийства.

Задачи работы:

- 1) Изучить основные исторические труды евразийцев, их взгляды на историю России.
- 2) Выявить основные положения и особенности исторического пути России, описанные в трудах евразийцев.

Предметом исследования являются труды евразийцев, в которых указаны их учения и основные взгляды на историю России.

Объектом исследования являются взгляды евразийцев на особенности исторического развития России.

При написании работы были использованы следующие **принципы, методы и подходы исследования:**

- 1) модернизационный подход; поскольку речь идёт об эволюции взглядов евразийцев на особенности исторического развития России
- 2) системный подход; поскольку будет использована систематизация научных взглядов евразийцев.
- 3) принцип историзма, то есть рассмотрение трудов учёных-евразийцев и эволюцию их взглядов на историю России, и

¹Пишун К. В. Политическое учение евразийства (опыт системной реконструкции и интерпретации): Дис.. канд. полит. наук: 22.00.05. // Москва, 1999.– С. 5.

²Кривошеева Е. Г. Пореволуционное эмигрантское течение – евразийство: дис. ...канд. историч. наук: 07.00.02 // Москва: 1995.–С. 3.

³См. Ковалевич М. К. Русская политическая эмиграция и Советская власть: поиск возможностей идейно–политического компромисса: дис. ...канд. полит. наук: 22.00.05. //Ковалевич Михаил Константинович ; науч. рук. Утенков В. М; Москва, 1997. – 178 с.

4) принцип объективности, то есть определение взглядов евразийцев на историю России, свободное от интерпретаций со стороны других исследователей.

5) историко-системный метод, то есть систематизация взглядов евразийцев на историю России.

6) историко-сравнительный метод, то есть сравнение взглядов евразийцев и их критиков на исторический путь России.

7) историко-генетический метод, то есть рассмотрение истории зарождения евразийского течения, его этапов, последовательности взглядов евразийцев на историю России.

Тема была исследована на основе опубликованных источников. Основу опубликованных источников составили:

А) работы евразийских авторов от 1920–1930-х годов XX века до современности. В частности, основу исследования составили труды Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Г. В. Вернадского, Л. П. Карсавина и Н. Н. Алексеева.

Б) современные научные статьи авторов 1991–2019 гг., посвященные теме исследования.

Новизна данной диссертационной работы заключается в анализе трудов учёных-евразийцев и попытке вычлениить наиболее актуальные положения евразийского учения для поиска новой идеи, призванной решить проблемы современного общества в условиях глобализации.

Фактический материал и выводы исследования могут быть использованы в лекционных курсах ВУЗов.

Структура квалификационной работы. В структуру квалификационной работы входит введение, где определены цели и задачи, объект и предмет исследования, обоснована актуальность данной темы и практическая значимость работы, апробация, дан краткий историографический об-

зор по теме исследования и проанализированы источники; основная часть, состоящая из двух глав и четырёх параграфов и заключения.

Первая глава посвящена истории евразийского движения, его истокам, краткой биографии основных участников евразийства, современному состоянию евразийского движения и основным положениям евразийства в философском, историческом, политологическом и культурологическом плане.

Вторая глава посвящена геополитическим идеям евразийцев и их применение в контексте истории России.

ГЛАВА 1. ЕВРАЗИЙСТВО КАК НАУЧНО- МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ И ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА

1.1. История евразийского движения.

После свершившейся Великой русской революции в среде русской эмиграции, потрясённой данными событиями, начинают складываться различные философские течения, призванные осмыслить характер революции и последующий за ним путь развития России. Одним из них было евразийство.

Евразийство – философское учение, утверждающее в своем классическом понимании, что Россия представляет собой особый срединный мир между Европой и Азией, зародилось в 1921 году в русской эмигрантской среде в Болгарии. У истоков его стояли люди разных направлений: лингвист Н. С. Трубецкой, географ и экономист П. Н. Савицкий, музыкант и искусствовед П. П. Сувчинский. Позже к ним присоединились историк Г. В. Вернадский, правовед Н. Н. Алексеев, философы Л.В. Карсавин, В. Э. Сеземан, лингвист Р. О. Якобсон.

В 1921 они опубликовали первый сборник «Исход к Востоку: Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев». В нём они высказали теоретические обоснования евразийства. С тех пор в период с 1921 по 1931 годы были изданы ещё несколько сборников, в которых продолжили развитие своих идей.

Евразийское течение возникло под влиянием трудов славянофилов XIX века, хотя схожие идеи можно проследить вплоть до конца XV–начала XVI века, когда был написан ряд произведений старорусской письменности, в которых описаны идеи, которые в некотором смысле можно назвать предшественницами славянофильства и евразийства. Общим у них было

отрицание европейского фактора в формировании российской социокультурной идентичности. В частности, взгляды одного из видных теоретиков евразийства Н. С. Трубецкого совпадают с взглядами знаменитого писателя Ф. М. Достоевского. В своей работе «Два лагеря теоретиков» Достоевский критиковал Петра I за измену русскому самосознанию, оторванности дворянского сословия от русской культуры и раболепие перед Европой (в этом плане его взгляды совпадают со взглядами Н. М. Карамзина, который также критиковал Петра I за чрезмерную европеизацию). Достоевский призывал российское общество преодолеть комплекс «провинциализма» и мнимой ущербности исконно русской культуры.

Также определённое влияние оказал труд Н. И. Данилевского «Россия и Европа» и его концепция культурно-исторических типов. Также определённое влияние оказали труды В. И. Ламанского, который в работах, посвящённых Евразийскому материку выделял три его части: 1) западную, т.е. романо-германскую (католически-протестантскую) Европу, 2) Азию и 3) «средний мир». Относительно этого «среднего мира» Ламанский писал следующее: «Вступая в пределы этого среднего мира из Азии, мы должны сказать, что тут Азия кончается, но Европа еще не начинается; точно так же вступая в него из Европы, мы вправе сказать: здесь кончается Европа и еще не начинается Азия». Это сугубо геополитическое суждение автор дополняет утверждением цивилизационного порядка, которое выражает его славянофильские убеждения: «Если есть Азия русская, если она в отличие от собственной, нерусской, Азии должна быть относима к особому историко-культурному типу, то это единственно потому, что при русской Азии, или Азиатской России, есть еще русская Европа, или Россия Европейская...». «Не отождествляя и не сливая с Россией прилежащих к ней земель и православных, – завершает ход своих рассуждений Ламанский, – мы не можем, однако, с точки зрения этнологической и историко-культурной, даже политической, не причислять их к одному с ней разряду

или миру и должны отделять их и от мира собственно азиатского и от мира собственно европейского. От первого он отличается, подобно России и собственно Европе, своей христианской культурой¹. От Европы значительная часть их отличается принадлежностью своей не к западному, а к восточному христианству...»². В 1871 году Ламанский защитил докторскую диссертацию на тему «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе», где сделал ряд ценных замечаний, позволяющих разобраться в смысловых и терминологических тонкостях. «Деление христианско-арийского мира на восточный и западный, греко-славянский и романо-германский, – отмечал автор, – основано на строгом различии их внутренних, существенных признаков, географических, этнографических, религиозных, общественных, вообще культурных особенностей. Это деление имеет величайшую научную важность»³.

Типологическое сравнение этих европейских ареалов Ламанский предпринимает, опираясь на их «исторический возраст» как важный общий показатель их вышеперечисленных особенностей. Подводя итоги, Ламанский приходит к выводу об особенности славянского мира. Сравнивая Россию с Древней Элладой и Древним Римом, которые объединяли значительное число разноплеменных народов, Ламанский заявил, что «славянство, именно в лице русского народа, представляет собой громадный крепкий кряж или ствол, а все прочие инородческие племена являются его ветвями»⁴. Также мысль о наличии в русской культуре сильного азиатского компонента, который приведет к созданию русско-азиатской культуры, была высказана в работе К. Н. Леонтьева «Византия и славянство».

Также в политическом плане евразийцы имели сходство с другим эмигрантским течением – «сменовеховством». Их объединяло отношение к

¹ Кефели И.Ф. Зарождение евразийства как идейного движения. / И. Ф. Кефели // Санкт-Петербург: С-ПбГПУ им. Петра Великого. – 2013. – С. 50

² Там же

³ Там же.

⁴ Там же.

Октябрьской революции: если монархистские организации решительно были настроены на борьбу с большевиками и восстановлением России в её дореволюционном состоянии, то сменовеховцы утверждали, что революция была закономерным итогом происходивших на протяжении долгих лет процессов, подготавливающих почву для народного восстания и свержения монархии. Борьба с советской Россией абсолютно бессмысленная и в исторической перспективе контрпродуктивная, поскольку данный этап развития является новой ступенью исторического развития России, а сами большевики являются выразителями национальных интересов страны. Но в то же время, политические идеи сменовеховства были крайне нечёткими. Евразийство сумело более определенно выразить политические устремления сменовеховства, придав им достаточно четкие программные и теоретические формы. Стремление евразийцев сформулировать свои идейные установки в предельно формализованном и общем виде привело к тому, что именно этому течению удалось сделать наиболее логичные и последовательные выводы из общих умонастроений сменовеховства¹.

Со временем состав евразийского течения стал расширяться. В крупнейших центрах русской эмиграции — Праге, Берлине, Вене, Париже, Софии, Белграде, — появились свои евразийские кружки и печатные издания. Самым крупным был парижский кружок, в который входили П. Сувчинский, Л. Карсавин, А. Зайцев, В. Никитин, А. Меллер-Закомельский, В. Ильин, С. Эфрон.

С парижской евразийской группой сотрудничали видные писатели и ученые, не входившие в состав движения: Г. Федотов, Б. Вышеславцев, лидер «национал-большевиков» Ю. Ширинский-Щихматов и другие.

¹Исаев И. А. Евразийство: идеология государственности / И. А. Исаев // Мир России. Социология. Этнология. — 1994.

Лондонская группа включала: П. Мачевского-Мачевича, П. Агапова, А. Волкову. С ней тесно сотрудничал один из идеологов сменовеховства Д. Святополк-Мирский.

В Праге евразийскую группу составили: П. Савицкий, Н. Алексеев, К. Чхеидзе, Г. Вернадский (в 1927 году переехал в Америку), Н. Дунаев, А. Усачев, В. Куликов, С. Пушкарев, Белецкий, Антипов, Толь и другие.

В других городах работали: в Вене – Н. Трубецкой, в Афинах – В. Дейтрих, в Белграде – Н. Стороженко и Р. Дрейлинг, в Варшаве – Артамонов и Войцеховский, в Брюсселе – Н. Степанов, Н. Перфильев, В. Яновский, С. Мачевский-Мачевич, Н. Сербулов.

Евразийские идеи, несмотря на отсутствие чёткой организации, были востребованы в определённых кругах. Данному обстоятельству способствовали публикации книг в Праге, Париже и Берлине, а также привлекавшие большое внимание евразийские конференции, проводившиеся в трех вышеназванных городах, а также в Софии. Одновременно издавался сборник «Евразийский временник» (9 выпусков за 1922–1929 гг.). Но по мере расширения евразийского движения, взгляды некоторых его участников стали сильно радикализироваться. Евразийство стало чересчур политизировано, претендуя на роль ведущего движения русской эмиграции. К тому же, некоторые участники евразийского движения оказались замешаны в связях с советской разведкой: в рамках операции «Трест» с целью разоблачения монархического подполья в СССР, они часто встречались с сотрудниками ВЧК. Это привело к тому, что евразийское движение оказалось скомпрометировано.

В итоге евразийское движение распалось на два лагеря, «левое евразийство» и «правое евразийство». Его центр переместился в Париж, где под руководством Л. П. Карсавина с 1927 г. начал действовать «Евразийский семинар» и издаваться газета «Евразия». Раскол в редакции «Евразии» привел к фактическому упразднению деятельности евразийско-

го движения. Один из его основателей Н. С. Трубецкой в письме в редакцию от 31 декабря 1928 г. «с прискорбием» отмечал «факт раскола», признавал невозможность восстановить внутреннее единство евразийства и заявлял о своем выходе из газеты «Евразия» и из евразийской организации. И только в Праге в 30-е гг. XX в. сохранилась евразийская группа ученых, не связывавших свою деятельность с политическими целями¹. В 1938 году классическое евразийство распалось окончательно.

Но при этом евразийские идеи не потеряли своей актуальности. В 1980-е годы интерес к евразийским идеям возродился в связи с творчеством Л. Н. Гумилёва. Сам Лев Николаевич долго общался с Савицким по переписке; он даже называл себя «последним евразийцем». Пассионарная теория этногенеза была частично навеяна философией евразийства.

В настоящее время классическое евразийство претерпело трансформацию в неоевразийство, связанное с работами Льва Гумилёва, Александра Дугина, Александра Панарина и др. В работах Дугина евразийские концепции и положения переплетаются с концепциями европейских «новых правых». Исследователи отмечают, что в постановке философских проблем и политических проектах он значительно отходит от классического евразийства, больше концентрируясь на геополитическом аспекте противостояния России/Евразии и атлантических держав (США, НАТО, Евросоюз). Также в научной среде пользуется известностью Александр Сергеевич Панарин, развивший в своих работах многие идеи классического евразийства. Отдавая должное антизападным настроениям евразийцев, он распространяет их взгляды на современную ситуацию в мире. «Вестернизация означает не столько счастливое уподобление Западу по достижительным критериям «догоняющего развития», – пишет Панарин, – сколько разложение органической целостности незападных культур и появление на

¹Орлик И. И. Евразийская идея: возникновение и эволюция. / И. И. Орлик // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. – 2010. – №4. – С. 8.

их месте неупорядоченных конгломератов, превращаемых в свалку технологических и социальных шлаков развитых стран».

Особое внимание Панарин уделяет «духовной интеграции» на постсоветском пространстве. «Евразийскому пространству, бесспорно, нужны кропотливые организаторы и работники, предприниматели и эксперты, ибо наша повседневность захламлена и запущена. Но никак не меньше ему нужны пламенные носители Веры и Смысла, ибо только взятое в духовном измерении оно обрета-ет единство, притягательность и центростремительный потенциал. Никакие другие формы интеграции не могут дать надежного результата без духовной интеграции, связанной с обнаружением нового смысла истории»¹.

Во многом неоевразийство связано с ностальгией по СССР и его реставрации в виде Евразийского союза – объединенного государства России, Белоруссии и Казахстана. В поддержку этой идеи высказывались Владимир Путин², Нурсултан Назарбаев³, писатель Чингиз Айтматов⁴. При этом сама идея подобного государственного объединения не нова, и была высказана Андреем Сахаровым ещё в 1989 году под названием Союза Советских Республик Европы и Азии. По плану Сахарова, в состав должны были войти многие советские на тот момент республики, кроме Литвы, Латвии и Эстонии. Назарбаев же, в 1994 году, предложил следующий состав: Россия, Казахстан, Белоруссия, Кыргызстан и Таджикистан. В 2010–2013 годах тема создания большого государства на основе Евразий-

¹ Орлик И. И. Евразийская идея: возникновение и эволюция. / И. И. Орлик.// Москва: Центр полит. Иссл-ний ИЭ РАН. – 2010. – С.17.

² Выступление на встрече с студентами и преподавателями Университета им Л. Н. Гумилёва 10 октября 2000 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21625>. (дата обращения 29.01.20)

³ Нурсултан Назарбаев «Евразийство – объединяющая идея для всех жителей Казахстана». РИА Новости. 11.03.2015. URL: <https://ria.ru/20150311/1051931691.html>. (дата обращения 29.01.20)

⁴ Чингиз Айтматов «У империализма могут быть и позитивные стороны». 11.06.2005. – Frankfurter Allgemeinezeitung. URL: <https://inosmi.ru/world/20050711/220865.html>. (дата обращения 29.01.20)

ского таможенного союза вновь стала актуальной, но проект так и остался лишь на бумаге. Главным препятствием на пути к объединению стоят экономический и политический вопросы. В частности, президент Казахстана Нурсултан Назарбаев на заседании высшего Экономического совета заявил «Мы с вами говорили, и не хотелось бы повторять, но политизация создаваемого союза недопустима... Такие направления, как охрана границ, миграционная политика, система обороны и безопасности, а также вопросы здравоохранения, образования, культуры, правовой помощи по гражданским, административным и уголовным делам не относятся к экономической интеграции и не могут быть перенесены в формат экономического союза...Как суверенные государства мы активно сотрудничаем с различными странами, международными организациями, не ущемляя взаимных интересов. Союз не должен мешать нам в этом направлении»¹.

Тем не менее, отдельные элементы неоевразийства пользуются популярностью и поныне, особенно среди правящей элиты страны.

¹Назарбаев: политизация Евразийского союза недопустима. РИА Новости. 24.12.2013. URL: <https://ria.ru/20131224/986144056.html> (дата обращения 20.09.19.)

1.2. Исторические и культурологические взгляды евразийцев

По своим взглядам состав евразийства был весьма разносторонним, а поэтому каждый из них имел свой особый взгляд на проблему России/Евразии. Тем не менее, в идеологии евразийцев были постулаты, единые для каждого из основных авторов.

Основным постулатом классического евразийства является тезис о преемственности России как наследницы Монгольской империи. И хотя евразийцы не были первыми, кто высказались о положительном влиянии монголов на Русь, но именно они были самыми последовательными сторонниками данной идеи.

В своих исследованиях, посвященных истории средневековой Руси, Н. С. Трубецкой первым из отечественных учёных представил четко сформулированную, обоснованную концепцию о значительном влиянии монголов на особенности русской государственности. Обратимся к анализу его взглядов на данную проблему. Трубецкой обосновывает тезис о том, что период Киевской Руси неверно считать этапом генезиса Российской цивилизации. Для доказательства своей идеи он приводит следующие аргументы: во-первых, государство Киевской Руси возникло как аморфное политическое образование, главной задачей которого стало обеспечение торгового транзита по пути «из варяг в греки»; во-вторых, правящий класс Киевского государства составляли этнически чуждые восточным славянам варяги; в-третьих, на территории Восточно-Европейской равнины одновременно с Киевской Русью существовали и другие государственные образования – Хазарский каганат, Волжская Булгария, политические союзы кочевников – ничем не уступавшие, а в ряде случаев и превосходившие по силе Киевскую Русь; в-четвертых, вражда между собой княжеств и уделов Киевской Руси носила перманентный характер, и в-пятых, географически Россия представляет собой межконтинентальную евразийскую державу, а

Киевское государство занимало лишь малую часть Восточно-Европейской равнины.

В силу указанных выше обстоятельств, по убеждению Н. С. Трубецкого, распад Киевской Руси был неизбежен, что и произошло в результате татаро-монгольского нашествия. Монголы же способствовали хозяйственному и административному объединению уделов в единый северозападный улус Монгольской империи, хотя в личных целях и поддерживали распри между князьями¹. Также, Трубецкой находит схожие черты русских и монголов в их религиозном мировоззрении. В его представлении, отношение русского человека к православной вере и роль православия в жизни были частично основаны на туранской психологии. Заключалось это все в веротерпимости монголов. Но дело тут было в чистом воды прагматизме. Чингисхан, ценивший больше всего в людях храбрость и верность, считал, что человек должен верить в высшие, неподвластные ему силы, чтобы эффективно исполнять свой долг. Поэтому Монгольская империя была мультирелигиозным государством: в нём уживались буддисты, мусульмане, христиане и шаманисты, и Чингисхан, несмотря на то, что он, как и многие монголы исповедовали тенгрианство, активно поддерживал эти религии в борьбе за единство государства.

Другой видный теоретик евразийства, П. Н. Савицкий писал в своих трудах: «Пример монголо-татарской государственности (Чингисхана и его преемников), сумевшей овладеть и управиться на определенный исторический срок с огромной частью Старого Света, несомненно сыграл большую положительную роль в создании великой государственности русской. Широко влиял на Россию и бытовой уклад степного Востока. Это влияние было в особенности сильно с XIII по XV век. С конца этого последнего столе-

¹ Тарасов К. Н. Влияние монголо-татарского ига на процесс формирования российской государственности во взглядах евразийца Н. С. Трубецкого (в контексте консервативного подхода к определению цивилизационных особенностей России). / К. Н. Тарасов // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – С. 113

тия пошло на прибыль влияние европейской культуры и достигло максимума начиная с XVIII века... В категориях не всегда достаточно тонкого, однако же указывающего на реальную сущность подразделения культур Старого Света на "европейские" и "азиатские" - культура русская не принадлежит к числу ни одних, ни других. Она есть культура, сочетающая элементы одних и других, сводящая их к некоторому единству. И потому, с точки зрения указанного подразделения культур, квалификация русской культуры как "евразийской" более выражает сущность явления, чем какая-либо иная»¹.

Г. В. Вернадский, русский историк и сын В. Н. Вернадского, писал, что испокон веков шла борьба между лесом (оседлыми славянами) и степью (кочевниками). В середине XV в. «лес» в лице Московии взял реванш. Наука русской истории, по мнению Вернадского, слишком увлеклась изучением роли православия и византийского наследства и прошла мимо очевидного факта «обрусения и оправославления татарщины». Она не обнаружила «татарский источник русской государственности». Московское государство, считает он, образовалось на развалинах Золотой Орды и является наследником не Киевской Руси, но империи Чингисхана. При этом Вернадский не умаляет значения и византийского наследства, поясняя, что под монгольским наследством следует понимать евразийское государство, а под византийским — православную государственность. Оба начала тесно и органично слились в историческом развитии русского народа. «Монгольское наследство облегчило русскому народу создание плоти евразийского государства, – пишет он. – Византийское наследство вооружило русский народ для создания мировой державы строем идей»².

Вся история Евразии есть последовательный ряд попыток создания единого всеевразийского государства, которые предпринимались с разных

¹Савицкий П. Н. Континент Евразия / П. Н. Савицкий. – Москва: «Аграф», 1997. – С. 83.

²Вернадский Г. В. Начертание русской истории / Г. В. Вернадский – Москва: Абрис, 2018. – С.17.

сторон – с востока и запада Евразии. Проследивая эту историю с V в. до н.э. (Скифская держава) до 20-х годов XX в., Вернадский обнаруживает любопытную периодическую ритмичность государство-образующего процесса: на территории Евразии на протяжении веков единая государственность сменялась раздробленностью (системой государств), и наоборот.

Характеризуя внутренний строй евразийского государства, Г. В. Вернадский отмечает, что устойчивой формой государства и власти в условиях Евразии была форма военной империи, наподобие Монгольской, Скифской или Российской.

Одним из важных факторов, отличавших евразийцев от других философских течений русской эмиграции стало отношение к большевикам и Октябрьской революции. Многие русские эмигранты заняли враждебную, непримиримую позицию по отношению к новой власти. Евразийцы считали, что революция была закономерным итогом исторического развития России. После реформ Петра I, придавших российскому абсолютизму европейский лоск, но вместе с тем и нанесших русскому самодержавию мощный идейный удар, монархия, по постоянным утверждениям евразийцев, вступает в свою завершающую эпоху. Рассматривая революцию в первую очередь как русскую и по происхождению, и по смыслу, и по содержанию, евразийцы заявляют, что именно она разрушила ненавистный им петербургский период русской истории, но отнюдь не саму Россию. Поэтому революция для них – бесспорное благо¹. Георгий Флоровский писал по этому поводу: «Как ни относиться к программе большевиков в смысле ее соответствия реальным потребностям жизни, необходимо признать верность руководившего ими инстинкта; они поняли, что нужно ломать и созидать заново»². Как и большевики, евразийцы призывали к

¹Пушкин С. Н. Евразийцы об Октябрьской революции // Философские науки. 2017. – № 6. – С. 98–110

²Г.Ф. Флоровский. О патриотизме праведном и греховном. / Статья из интернета. URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/1922-naputiya-GVF-patriot.php> (дата обращения 13.04.19)

упразднению колониальных империй и освобождению народов Азии и Африки. Но в то же время, евразийцы считали, что марксистский путь не подходит России, поскольку коммунистическая идеология – плод западной политической философии, губительный для России. В качестве альтернативы евразийцы планировали создание Евразийской партии, которая в теории должна взять власть в России в свои руки для претворения в жизнь плана по объединению евразийского социокультурного и геополитического пространства.

В политическом плане евразийцы были сторонниками этатизма — сильной государственной власти. Ещё один выдающийся деятель евразийского движения Н. Н. Алексеев, по образованию правовед, уделял много внимания концепции правового государства, также имевшую важное значение в евразийском учении. Конструируя идеальную модель будущего евразийского государства, Алексеев исходил из реального положения России после революции. Освобождение России от коммунизма, считал Алексеев, будет достигнуто не полным отрицанием Советского государства и большевистского строя, а дальнейшим развитием содержащихся в нём положительных элементов, соединённых с ещё более высокими возможностями государственно-правового развития, заложенными в историческом опыте России¹. В этом плане он являлся продолжателем Трубецкого, который писал в одном из своих трудов, что после прихода к власти большевиков, «Проступает наружу....Россия подлинная... не выдуманная славянская... а настоящая русско-туранская Россия-Евразия, преемница великого наследия Чингисхана»², и это всё выразилось в национальной политике советского руководства, поощрявшего развитие национальных языков народностей, проживавших на территории СССР, и активное их участие в политике и государственном строительстве.

¹Н.А. Алексеев. Русский народ и государство. / Москва: «Аграф», 2011 г. – С. 372

²Н. С. Трубецкой. Наследие Чингисхана / Трубецкой Н. С. – Москва: Издательство «Э», 2017. – С. 81

Политическим идеалом для Алексеева, как и для многих евразийцев, была самодержавная монархия. Особенно он почитал учение иосифлян, последователей Иосифа Волоцкого, зародившееся в конце XV – начале XVI века, указывавшего на божественное происхождение царской власти (царь — наместник Бога на Земле). Данный взгляд, как считал Алексеев, восходил к традициям древневосточного деспотизма. Хотя иосифлянское учение было довольно распространено в средневековой России, их разделял далеко не весь народ. Одновременно с иосифлянством, на Руси существовало и нестяжательство — учение Нила Сорского и заволжских старцев, выступавших против владения церковью землей и людьми, а также считавшими, что церковь должна быть независима от княжеской власти. В нём Алексеев усматривал идею «православной правовой монархии», воплощение идеалов гражданского общества, основанного на христианских ценностях. Ещё одним направлением политической мысли была идея авторитарного характера власти, воплощённая в трудах Ивана Пересветова (середина XVI в.) и политическом курсе правления Ивана Грозного. Данная идея выразилась в концепции «идеократии», впервые выраженной в статье «Подданство идеи» П. Н. Савицкого (1923). В ней он подробно описывает историософскую концепцию «идеалоправства». Согласно данной концепции, «историческая личность создается в обстановке и при посредстве исторической идеи»¹. Евразийство, по замыслу Савицкого, и должно было стать данной идеей, способной составить конкуренцию коммунистической идеологии. Носителями такой идеи должна была стать интеллектуальная, духовная элита. При этом любая долговечная форма правления от монархии до демократии «...есть та или иная форма существенного идеалоправства»². Как пример Савицкий приводит три исторически известных типа правления, в которых господствовали определённые идеи: «Древний Во-

¹Савицкий П. Н. *Континент Евразия* / П. Н. Савицкий. – Москва: «Аграф», 1997. – С.127.

²Там же.

сток, где господствовала религиозная идея», Римскую империю с «национально-религиозной идеей» во главе и, наконец, Англию, где всем правила «идея правового государства». У России, по мнению Савицкого, другое призвание: ее идея имеет двойственное – и национальное, и мировое значение. Это мировое чувство заключается в признании большевиками всемирной миссии России. Но эта миссия должна быть направлена не на реализацию мировой революции, а на развенчание романогерманизма («европоцентризма») и несение Западу света истинной веры¹.

Идеи П. Н. Савицкого получили дальнейшее развитие в работах П. П. Сувчинского, Н. Н. Алексеева и Н. С. Трубецкого. Так, П. П. Сувчинский в статье «Монархия или сильная власть» (1927) рассматривает проблему приемлемости для России новой монархии. Он доказывает, что все преимущества и недостатки монархии коренятся в ее отделенности от государственно-правовых отношений, от всего народа, при этом народный суверенитет совершенно отрицается. В заключении автор делает вывод: «Нужно искать будущие формы русской государственности в принципе народной автократии, наилучшим образом сочетающем в себе народный суверенитет с началом народоводительства»². Таким образом, в идее народной автократии мы видим предвосхищение идей Трубецкого об идеократическом строе правления, который не может существовать без широкой поддержки народных масс, и поэтому с евразийской точки зрения не совместим с абсолютной монархией.

Трубецкой развил идеи предшественников в своих трудах «О государственном строе и форме правления», «Идеократия и армия» и «Об идео-правительнице идеократического государства» (1935). В них он подробно описал евразийское учение о идеократии и идеальный государственный строй всеевразийского государства. Идеократия — это новый тип отбора

¹Самохин А. В. Концепции политического устройства России в классическом евразийстве. / А. В. Самохин. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2010. –С. 100.

²Там же, С. 99.

правлящего класса, при котором правящий слой состоит из людей, объединённых общим мировоззрением.

Возникает логичный вопрос — а разве советский социализм и итальянский фашизм не объединены общим мировоззрением? На этот вопрос Трубецкой отвечает следующим образом: «В Италии сущность идеократии заслонена культом личности Муссолини и голым организационизмом... в результате основная идея фашизма... сводится почти исключительно к обожествлению итальянской нации как биологической особи; таким образом, здесь трудно говорить об общности мирозерцания... а скорее приходится говорить об общности эмоций», а в СССР, несмотря на общность мировоззрения, «партия отрицает автономность идейного начала, а следовательно, и саму возможность идеократии»¹. В евразийском проекте четко установлены черты истинно идеократического государства. 1) идеократическое государство является этатистским, и имеет право вмешиваться в экономику и частную жизнь ради общественного блага, 2) власть основана на личном престиже лидера в партийных кругах, а правящий слой состоит из совета вождей единой партии (т.е. политбюро, совнарком, и т.д). Правящая элита, а также армия, в идеократическом государстве априори состоит из приверженцев ведущей идеи-правительницы. При этом данная идея должна соответствовать культуре и духу всех народов, населяющих данное государство (в данном случае этой идеей является евразийство). Также, в идеологическом государстве лучшей формой организации социума является автаркия, которая предполагает собой полную религиозную, идеологическую, политическую и социально-экономическую независимость от любых других государств.

Концепцию идеократии представители евразийства развили до концепции демотического государства (от греч. демос – народ). Первым схо-

¹Н. С. Трубецкой. Наследие Чингисхана / Трубецкой Н. С. – Москва : Издательство «Э», 2017. – С. 426.

жую идею высказал Трубецкой в труде «О государственном строе и форме правления», но полноценно она была разработана Алексеевым. Демотию евразийцы противопоставляли буржуазной демократии. По утверждениям Н. Н. Алексеева: «Современная демократия есть олигархия живущего ныне взрослого поколения над нацией, как целым»¹. В понятие народ, или нацию, евразийцы вкладывали «не какой-то случайный отбор граждан, удовлетворяющих условиям всеобщего избирательного права, но совокупность исторических поколений, прошедших, настоящих и будущих, образующих оформленное государством единство культуры»². Суверенитет народа, понимаемого в этом смысле, евразийцы называли суверенитетом «организованным и органическим», в отличие от «анархического» суверенитета буржуазной демократии, основанного на «механическом агрегате» мнений. В демотическом государстве, как считали евразийцы, «искусственно-анархический порядок представительства отдельных лиц и партий» должен быть заменён «органическим порядком представительства потребностей, знаний и идей»³. При этом евразийцы неизменно подчёркивали, что они стремятся не к запрещению партий, а к созданию таких условий, при которых бы отпала необходимость в их существовании как выразителей народной воли.

При этом евразийцы решительно отрицали обвинения со стороны критиков в копировании большевистской модели и критиковали последнюю. Партийный тип советской элиты, по мнению Алексеева, ставил советский строй перед выбором двух путей дальнейшего развития: «или к превращению советского режима в многопартийный или к конституционной легализации партии как официального органа... Вступление на первый означает превращение России в подобие Европы второго сорта, вступление

¹Н. А. Алексеев. Русский народ и государство. /Алексеев Н. А. – Москва: «Аграф», 2011. – С. 110.

²Там же, С. 109

³ Там же, С. 110

же на второй является попыткой построения государства нового типа»¹. В подтверждение данного тезиса можно привести пример СССР, который большую часть своей истории шёл по второму пути, во времена перестройки свернул на первый, что в конечном итоге привело к его распаду.

Евразийцы характеризовали своё идеальное государство как идеократическое, отличая его от доктринального государства, каковым является СССР. Доктринальное государство, по их мнению, «руководствуется определённым, стремящимся к совершенной цельности философским или религиозным мирозерцанием, насильно внушает это мирозерцание гражданам и принуждает их к исповеданию известного рода системы идей всеми доступными государству средствами»². В противоположность ему, евразийское государство предлагает такую социально-политическую программу, «которая может рассчитывать на всеобщее признание со стороны людей весьма различных философских, научных и религиозных убеждений»³.

Помимо этого, Алексеев разработал евразийское учение о правообязанности как форме органического сочетания права и обязанности, выработанного на основе русской философско-правовой мысли. Строй, проникнутый началом правообязанности, «мог бы быть осуществлён в том случае, если бы ведущий слой государства проникся бы мыслью, что власть его не есть право, а и обязанность; и если в то же время управляемые не были бы простыми объектами власти, не были бы только носителями обязанностей,... но и носителями правомочий. При том правомочия эти они не считали бы “правами”,... но как... соединённые с свободным усмотрением обязанности по участию в государственной власти»⁴.

¹Н. А. Алексеев. Русский народ и государство. /Алексеев Н. А. – Москва: «Аграф», 2011. – С. 97

²Там же, С. 233.

³Там же.

⁴Н. А. Алексеев. Русский народ и государство. /Алексеев Н. А. – Москва: «Аграф», 2011. – С. 160

Государство в представлении евразийцев является союзом мира и правды. Его следует мыслить «как организацию, в которой интересы управляющих и управляемых могут и совпадать. Последнее становится возможным в обществе, которое возникло после социальной революции, в котором старые социальные классы уничтожены и которое приближается к решению проблемы экономической нужды... В таком обществе миссия народа заключается не в организации оппозиции государству, но как раз в обратном – в защите государства от всех враждебных новому строю сил»¹.

СССР избрав путь развития по российским, а не западным правовым традициям, обрёл возможность для перехода к вышеизложенному типу правоотношений. «Организация государства трудящихся... ставит правителей вовсе не в положение односторонне уполномоченных, а подчинённых – не в положение односторонне обязанных. В государстве трудящихся правообязаны все – и властвующие, и подчинённые». Перспектива советского строя представлялась евразийцам в виде создания организма «трудо-вой демотии, построенной на внутреннем сочетании прав и обязанностей всех и каждого»².

Таким образом, евразийское учение о праве и государстве, сформулированное Н. Н. Алексеевым, можно охарактеризовать как оригинальное сочетание элементов консерватизма и прогрессивизма, русского традиционализма и попыток позитивного осмысления советского социально-политического опыта. Данный тезис позволяет причислить евразийство к так называемому «третьему пути» — в противовес левым и правым идеологическим течениям.

При всём вышеперечисленном, евразийцы решительно отвергали сравнение со сменовеховством, ещё одним видным эмигрантским течением, суть которого состояла в принятии революции и последующего обра-

¹Там же, С. 238

²Там же, С. 102

зования советского государства как правопреемника Российской империи. Трубецкой в своей статье «Наш ответ» утверждал, что сменовеховцы сделали вывод что нужно сдать и прекратить борьбу, а евразийцы наоборот, стали искать новые методы борьбы с ними¹. Во многом, неоднозначность отношения к советской России и стала причиной развала евразийского движения, как и было упомянуто выше. Трубецкой, хоть и признавал что СССР, по сравнению с Российской империей, взял верный курс на сближение с восточными странами, проявившийся во внутренней национальной политике, по его мнению, советская власть одновременно продолжила старый курс, направленный на европеизацию, заложенный ещё Петром I. Проявляется он в попытке слепить на основе русского материала чуждое русскому духу социалистическое государство, а также спонсирование коммунистических режимов за рубежом сродни участию России в Священном союзе. Разница была только в масштабе, поскольку Пётр реорганизовал лишь дворянское сословие, а большевики – весь народ, а следовательно многие инициативы советской власти бессознательно копируют похожие инициативы Петра I². Но несмотря на это, истинное лицо России-Евразии проступает именно в советский период. Проявляется это в развитии национальных языков тюркоязычных народов: башкир, чувашей, киргиз, татар, якут, бурят и их участии в строительстве советского государства³. Но евразийцы считали, что этого все равно недостаточно. Они считали, что нужно было заменить коммунистическую идеологию на такую, которая бы смогла объединить все народы, населяющие Евразию.

В культурологическом же плане, евразийцы придерживались взглядов Н. Я. Данилевского, отрицая линейно-историческое развитие культуры, провозглашавшее исключительность европейской (романо-

¹Н. С. Трубецкой. Наследие Чингисхана / Трубецкой Н. С. – Москва : Издательство «Э», 2017. – С. 335.

²Там же, С. 74–75

³Там же, С. 81.

германской) культуры. Напротив, они считали, что существует множество культур, каждая из которых по своему уникальна и обладает неповторимым историческим путём. Все культуры провозглашались одинаково равноценными: обычаи австралийских аборигенов ничем не хуже в культурном плане, а в некоторых аспектах даже лучшие традиций европейских держав. При этом каждая культура замкнута, и ее глубинный смысл недоступен другим, поэтому идея единого поступательного исторического движения бессмысленна. Исторические закономерности проявляются лишь во внутренней логике развития каждого исторического организма, которая разворачивается в несколько циклов – рождение, расцвет, затухание, смерть. В силу этого не существует единых законов культурного развития, а обнаруживается многообразие исторических живых организмов.

Именно поэтому Россия никогда не сможет пойти по европейскому пути, поскольку у неё своя судьба, свой предначертанный историей путь. Культура России, веками развивавшая и впитывавшая в себя культуры малых народов, населяющих Евразию, стала не сколько плавильным котлом, перемоловшим в себе культуры других народов, сколько созидательницей, поощрявшей развитие данных культур.

В представлении евразийцев союз Россия-Евразия характеризуется как этническая и геополитическая общность, возникшая в результате освоения обширного цивилизационного пространства Евразии, построения единой государственности и укрепления межэтнических связей. Выражая свою концепцию «Россия-Евразия», евразийцы, рассматривая такое объединение, характеризовали его как особое культурное образование под эгидой России, которое представляет собою единый, противоречивый и многообразный в своих проявлениях мир, связанный общей судьбой, своеобразный живой организм. Утверждая самобытность русской культуры, евразийцы оценивали европейский путь развития как тупиковый, утверждая, что ориентация на романо-германский мир неизбежно ведет к куль-

турному упадку. Так, Трубецкой отмечал, что европейская культура – «продукт истории определенной этнической группы», поэтому необходимо начать переоценку европейских (западных) ценностей или «общечеловеческих идеалов», навязанных извне русскому человеку, критически оценить идею восходящего культурного прогресса. Н. С. Трубецкой поставил крайне важный в научном плане вопрос – злом или благом является приобщение русской культуры к европейской? Отвечая на данный вопрос, Трубецкой пришёл к выводу, что стремление к европеизации ставит собственную культуру в крайне невыгодное положение, целиком искажая самобытное начало отечественной культуры, так как «признание романогерманской культуры самой совершенной из всех культур, когда либо существовавших на земле, основано на эгоцентрической психологии», что приносит в собственную национальную психологию элемент раболепия и ничтожности»¹. Он отмечал: «Последствия европеизации настолько тяжелы и ужасны, что европеизацию приходится считать не благом, а злом»². Трубецкой призывал освободиться от комплекса отсталости и принять родную культуру такой, какая она есть, во всём своём многообразии.

Правда, не все евразийцы были согласны с такой категорической постановкой вопроса. Например, П. Н. Савицкий в статье «Европа и Евразия», отмечая верность некоторых взглядов Трубецкого, критикует его за одностороннюю трактовку «романо-германской культуры» как чистого зла, отмечая пользу научно-технического прогресса, ставшего возможным благодаря деятельности европейской цивилизации. «Идеализация дикаря», по его словам, «приближается к проповеди культурной слабости». Взамен этого, Савицкий выдвигает альтернативный взгляд на данную проблему: «...выживают и приобретают историческое значение только те культуры,

¹Прокуденкова О. В. Россия как особый культурный мир в концепции евразийцев. / О. В. Прокуденкова // Санкт-Петербург. СПб ин-та. культуры. – 2015. – С. 97.

²Н. С. Трубецкой. Наследие Чингисхана / Трубецкой Н. С. – Москва : Издательство «Э», 2017. – С. 134.

которые при соприкосновении с другими оказываются достаточно сильными, чтобы отстоять свое существование хотя бы в одном из указанных выше отношений – или в военно-политическом, или в отношении культурных влияний...чтобы бороться с кошмаром европеизации... нужно иметь возможность противопоставить романо-германской культуре свою равносильную ей культуру»¹. Далее, Савицкий отмечает тот факт, что Трубецкой приводит именно Россию в качестве примера негативных последствий европеизации, хотя вестернизация, как исторический феномен, была присуща всем странам, имевшим отношения с европейскими странами (например Япония или Китай). Более того, столь ненавистная евразийцам вестернизация позволила России стать частью общемирового культурного пространства, поделиться со всем миром своими достижениями в области культуры. Помимо этого, под влиянием романо-германской идеологии, в России появилось такое явление, как большевизм. «...в своем жизненном облике, в корне отрицает то умонастроение, которое заставляло русских оценивать "свой народ и культуру... с точки зрения романо-германца.... Как осуществление, большевистский социальный эксперимент по своим идеологическим и пространственным масштабам оказался без прототипов в истории Запада и в этом смысле явился своеобразно российским. Для большевиков в их стремлении перекроить Россию романо-германский мир отнюдь не служит непререкаемым образцом. Наоборот, для них характерно стремление всю "капиталистическую" Европу перекроить по своему, в существе российскому, образцу... В этом явлении уже не Запад выступает в качестве активного фактора и не Россия – в качестве подражателя, с некоторым запозданием идущего по путям, уже пройденным другими народами»².

¹Савицкий П. Н. Континент Евразия / П. Н. Савицкий. – Москва: «Аграф», 1997.– С. 149.

²Там же, С. 151–152.

Рассуждая о природе противопоставления романо-германского мира «Человечеству», в которое Трубецкой вкладывает понятие совокупности всех существующих культур остального мира, Савицкий задаётся вопросом: а не приведёт ли вмешательство России к фактической замене ига "романо-германской" культуры игом культуры российской? Ответ на данный вопрос Савицкий находит в разнообразии культур народов Евразии, делающим её своеобразным объединяющим фактором общевразийской культуры, основанной на равноправии и равнозначимости. В заключении, Савицкий делает вывод что эгоцентризм отдельного народа есть составляющая часть исповедуемой этим народом идеологии, следовательно подлинное освобождение от негативного влияния европейской культуры происходит, когда эгоцентризм романо-германский сменяется эгоцентризмом евразийским. Трубецкой позже подхватил эту идею в статье «Общевразийский национализм».

Важную роль в культурно-исторической концепции евразийства играла религия. Православная христианская вера является государствообразующим и культурно-объединяющим фактором русского народа. Л. П. Карсавин, один из участников евразийского движения, задаётся вопросом, каковы же принципы и основания христианской культуры? И отвечает на него, что это – признание всего действительного абсолютно ценным и непреходящим. Христианская культура утверждает абсолютную ценность всякой личности – индивидуума, народа, человечества – и всех ее проявлений – нравственности, права, науки, искусства. Но абсолютно признается ценность действительности только в меру ее действительности – поскольку она существует, а не является ограниченностью и недостаточностью. Таким образом, христианская культура отнюдь не отрицает действительность и не содержит в себе принципиального отказа или ухода от мира. Но такова идеальная культура, взятая в отвлеченном ее понятии. Обратиться к русской культуре, значит противопоставить ее западной.. Задача право-

славной, или русской культуры и универсальна, и индивидуально национальна. Эта культура должна раскрыть хранимые ею с VIII в. потенции путем принятия себя, актуализированного культурой западной, и в этом смысл европеизации. Таким образом, православная культура стоит на распутье: или она осуществит вселенское, всеединое дело через освоение актуализированного Западом (европеизацию) и восполнение. Таким образом, православная культура стоит на распутье: или она осуществит вселенское, все единое дело через освоение актуализированного Западом (европеизацию) и восполнение воспринимаемого раскрытием того, что является собственным ее идеальным заданием, или она раскроет только свое, т.е. ограничено актуализирует всеединство, или останется на распутье в состоянии потенциальности.¹

Также огромное значение для евразийства имеет понятие симфонической (соборной) личности, ставшее фундаментом для основных идей евразийства в области истории, историософии, культурологии, геополитики, теории хозяйства, а также теории государства и права.

Учение о симфонической личности разработал Л. П. Карсавин. Оно являлось продолжением развития христианской философии личности. Л. П. Карсавин подчеркивал, что в христианстве личность «не есть что-то тварное и человеческое, но начало – Божественное и само Божество»². Человеку предназначено стремиться к Богу, впитывать полноту божественного бытия. Божественная и тварная реальность определялось Л. П. Карсавиным как «совершенство» и «несовершенство». Человек является сущностью общественной, без общества он теряет свое значение. При взаимодействии человеческой личности с окружающей действительностью объективируется динамическое единство. Это наиндивидуальное целостное в

¹Янковская Н.В. Взгляд Л.П. Карсавина на Россию и его участие в евразийском движении. / Н.В. Янковская // Ростов-на-Дону. – Южный федеральный университет. – 2013.

²Садыкова К. Р. Понятие "личность" в концепции теозиса Л. П. Карсавина / К. Р. Садыкова // Санкт-Петербург: Вестник С-ПбГУ. – 2015. – №2. – С. 103.

его единении с окружающим миром «личностное образование» Л. П. Карсавин назвал «симфонической личностью»: «Единый в своем времени и пространстве мир осуществляет свое личное бытие, по крайней мере в человечестве он, несомненно,— симфоническая всеединая личность или иерархическое единство множества симфонических личностей разных порядков, а в них и личностей индивидуальных»¹.

Все человеческие сообщества, в том числе социальные группы, профессиональные союзы, политические партии являются симфоническими личностями. Другими словами, человеческое общество является единством множества симфонических личностей разной природы.

Соборную (симфоническую) личность, выражающуюся в человеческих индивидуальностях, Л. П. Карсавин обозначает «социальной личностью». Социальные личности делятся на «периодические» (например студенчество, профсоюзное собрание, съезд изобретателей) и «постоянные» (например семья, государство, нация, общество, Церковь). Социальная личность в своем бытии имеет свое основное задание, основную функцию. Многообразие и полнота этого задания определяет полноту социальной-личной жизни.

В симфонической личности определяющим является свойство соборности, которое евразийцы понимают как особую форму социальной общности, при которой социальная целостность объективирует единство социальных личностей. Это единство, отличается наличием у социальных личностей соборного сознания и соборной воли (единства рационального и иррационального), которые воплощаются в определенном целенаправленном взаимодействии входящих в него социальных личностей. Это единство характеризуется общими целями и способами их достижения, солидарностью и служением ближнему, приоритетностью симфонической лич-

¹ Баранов В.Е. Философия личности Л.П. Карсавина. / В. Е. Баранов // Санкт-Петербург: Известия РГПУ им. Герцена. — 2008. — С. 7–15.

ности более высокого порядка, жертвенностью. Соборность есть устремление социальных личностей к единому духовному центру. Соборность по убеждению евразийцев не совпадает с коллективизмом и имеет более сложную структуру, в большей степени учитывающую разнородность социальных субъектов ее составляющих. Коллективу же присущи однородность и изоморфность.

Условиями возникновения и бытия симфонической личности являются автаркичность – самодостаточность для бытия в едином социальном пространственно-временном континууме, так же наличие «общего дела», направленного на благо – целенаправленной деятельности по осуществлению соборного сознания и соборной воли симфонической личности.

Симфоническим личностям присуща твердая иерархия, определяемая функциональной полнотой и спецификой деятельности той или иной личности. Христианская культура (Вселенская церковь) – симфоническая личность осуществляет себя в симфонических личностях более низшего порядка – культурах (евразийской – русской, европейско-католической), культуры в свою очередь, в ряде народов их составляющем, каждый народ – в составляющих его индивидуумах. Симфоническая личность проявляет себя в состояниях или в действиях.

Концептуальные идеи о симфонической (соборной) личности легли в основу множества практических выводов, составляющих содержание евразийского учения. Начиная с качественного отличия евразийской культуры от европейской, до идеократии, как наилучшего государственного строя для будущей России. Это учение имеет важнейшее методологическое значение в философии евразийства, как средство и способ самоосознания российского общества, ответа на вопрос «кто мы?» и определения путей его дальнейшего развития, а также смысла его истории.

Евразийцы распространяли противостояние с Европой и на религиозную сферу. Они полагали, что латинская (католическая) церковь в своем

развитии утратила истинные смыслы христианства. Савицкий пишет: «Католичество закоренело и упорствует в своем заблуждении, тогда как протестантство уже посягнуло на застывшие формы и нормы и через "отрицание отрицания" двинулось, хотя и по пути новых заблуждений, к истине, приобщаясь к духу христианской свободы. Протестантство ищет и хочет учиться и познавать, а католичество думает, будто нашло абсолютную истину и одно целиком ею обладает, запрещая другим искать и думать. Русское же Православие, признавая себя обладающим полнотой истины в одном из ее аспектов, не отрицает других существующих и возможных ее аспектов как иных выражений Православия, но хочет их свободного самораскрытия, дабы приблизилась его собственная полнота в христианском взаимодействии с ними. Оно не замыкается в себе, но в своем саморазвитии призывает к свободному саморазвитию и других»¹. Таким образом Евразия как особая симфонически-личная индивидуализация православной церкви и культуры сохранила истинный смысл христианского вероучения.

По мнению евразийцев, религия сыграла важную роль в синтезе русской и монгольской культур путём укрепления заложенного в духовном облике русского народа «бытового исповедничества». В работе «Туранский элемент в русской истории», Трубецкой писал «Пусть само Православие было воспринято русскими не от туранцев...все-таки само отношение русского человека к Православной вере и сама роль, которую эта вера играла в его жизни, были в определенной части основаны на туранской психологии. Именно в силу туранских черт своей психики древнерусский человек не умел отделять своей веры от своего быта, сознательно выделять из проявлений религии несущественные элементы, и именно поэтому он оказывался таким слабым богословом, когда встречался с греками. То психологическое различие между русским и греческим подходами к вере и к

¹Савицкий П. Н. Континент Евразия / П. Н. Савицкий. – Москва: «Аграф», 1997.– С. 30.

обряду, которое так ярко проявилось в эпоху возникновения раскола, было следствием именно того обстоятельства, что в древнерусском национальном характере глубоко укоренились туранские этнопсихологические элементы, совершенно чуждые Византии... чудо превращения татарской государственности в русскую осуществилось благодаря напряженному горению религиозного чувства, благодаря православно-религиозному подъему, охватившему Россию в эпоху татарского ига. Это религиозное горение помогло Древней Руси облагородить татарскую государственность, придать ей новый религиозно-этический характер и сделать ее своей. Произошло обрусение и оправославление татарщины, и московский царь, оказавшийся носителем этой новой формы татарской государственности, получил такой религиозно-этический престиж, что перед ним поблекли и уступили ему место все остальные ханы западного улуса. Массовый переход татарской знати в православие и на службу к московскому царю явился внешним выражением этой моральной притягательной силы»¹.

Обобщая итоги рассмотрения евразийства как философского направления и общественно-политического движения, стоит отметить, что евразийство представляет собою феномен русской философской мысли. Несмотря на сравнительно недолгий период существования, участникам евразийского движения удалось выработать идейную платформу, систему взглядов, отличающейся своей оригинальностью и новизной. Впервые была высказана мысль о позитивном влиянии монголов на русскую историю, тем самым положив начало глубокому изучению монголов. Приобретая популярность в Европе начала XX века, евразийство не потеряло свою актуальность и сегодня, став востребованным в конце XX – начале XXI века.

¹Н. С. Трубецкой. Наследие Чингисхана / Трубецкой Н. С. – Москва: Издательство «Э», 2017. – С. 196–197.

ГЛАВА 2: ЕВРАЗИЙСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ РОССИИ

2.1 Геополитические идеи евразийства. Проблема «месторазвития» России в историческом контексте.

Евразийцы внесли большой вклад в развитие геополитики как науки в России. Главная заслуга в этом деле принадлежит П. Н. Савицкому, раскрывшему геополитические идеи евразийства в работах «Географический обзор России-Евразии», «Географические и геополитические основы евразийства», «Геополитические заметки по русской истории». Развив идеи, заложенные такими учёными, как Ф. Ратцель, Х. Маккиндер и др., он вывел евразийскую геополитическую идею, дополнив труды своего коллеги Н. С. Трубецкого.

Одним из центральных положений евразийства является «месторазвитие». Впервые ввёл данный термин в научный оборот данное понятие П. Н. Савицкий в своём труде «Геополитика». В его интерпретации, месторазвитие — это общежитие мирового порядка, складывающееся на основе генетических вековечных связей между растительными, животными и минеральными царствами с одной, и человеком, бытом и духовным миром с другой. «Взаимное приспособление живых существ друг к другу... в тесной связи с внешними географическими условиями, — писал П. Н. Савицкий, — создает... свой порядок, свою гармонию, свою устойчивость». И далее продолжал: «...широкое — общежитие живых существ, взаимно приспособленных друг к другу и к окружающей среде и ее к себе приспособивших, понимается нами под выдвигаемой в этих строках категорией „месторазвитие“»¹. Г. В. Вернадский под месторазвитием понимал «определённую географическую среду, которая налагает печать своих особенно-

¹Савицкий П. Н. Континент Евразия. / Москва: Аграф, 1997 г. – С. 283–285.

стей на человеческие общежития, развивающиеся в этой среде»¹. Иными словами, месторазвитие – это совокупность географических и социальных характеристик, влияющих на развитие народа, населяющего определённую территорию.

В данном вопросе евразийцы были не первые, кто поднял тему влияния территории на исторический процесс – термин месторазвитие тождественен понятию «жизненное пространство» Ратцеля. В понимании Ф. Ратцеля, народ, проживающий в течение долгих столетий на одной и той же земле, преобразуется в соответствии со своей культурой. «Культура часто изменяет страну в гораздо большей степени, – писал он, – чем природные условия, человек производит изменения известной страны просто уже одним своим присутствием, и он это делает не только там, где он поселяется, но даже и там, где он просто оста-навливается и движется...»².

Именно Ф. Ратцелем и было впервые осмыслено взаимовлияние природы и культуры в темпоральном аспекте. Он, в частности, указывал на ошибочность трактовки отношений человека и географической среды как неизменных, качественно константных на всех этапах человеческой истории. Ратцель утверждал, что действует природный фактор, который опосредуется в своем влиянии на человека хозяйственными, экономическими и культурно-историческими условиями. Но если Ратцель рассматривал в первую очередь взаимосвязь географической характеристики территории и проживающего на этой территории человеческого общества со своим социально-экономическим укладом, то Савицкий предлагал системное исследование территории, данных физической географии, климатологии, биологии (биогеографии), почвоведения и истории человеческих обществ. Как заявлял Савицкий, «социально-историческая среда и ее территория

¹Г. В. Вернадский. Начертание русской истории. / Вернадский Г. В. – Москва: Абрис, 2018. – С. 9.

²Прокуденкова О. В. Категория «месторазвития» в концепции евразийцев / О. В. Прокуденкова // Санкт-Петербург. СПб ин-та. культуры. – 2012. – №3. – С. 13.

должны слиться для нас в единое целое, в географический индивидуум или ландшафт»¹. П. Н. Савицкий особенно высоко ценил мысль Ф. Ратцеля о взаимовлиянии географической среды и человеческой культуры, послужившую обоснованием специфического для евразийского умозрения учения о географическом детерминизме, и на основе его трудов, евразийцы вывели свою концепцию месторазвития России в контексте евразийского учения. Но в чём же оно заключалось? Для начала нужно обратиться к географической характеристике.

Россия располагается на двух крупных равнинах: Восточно-Европейской и Западно-Сибирской, поделённых посередине Уральским горным хребтом. С севера на юг расположились климатические зоны: тундра, лесотундра, лесная зона, лесостепь и степь. Если брать в расчёт Евразию как континент, к данным зонам добавляется ещё и пустыня (Каракум, Кызылкум, Гоби). С севера на юг Восточно-Европейской равнины протянулись реки Дон, Волга, Днепр с притоками, которые служили основными судоходными артериями Руси. Позднее, после падения Киевской Руси, основной очаг русской государственности переместился в Волжско-Окское междуречье. После покорения Сибири, к важным судоходным путям добавились Кама, Обь, Иртыш, Енисей, Лена, Амур.

На протяжении большей части времени история России была сосредоточена на Восточно-Европейской равнине, и лишь при Иване Грозном, в конце XVI века началось освоение Сибири. Сосредоточившись на освоении территории за пределами Уральских гор, Россия смогла подчинить своему влиянию богатую ресурсами обширную территорию от Балтики до Камчатки. Но самое главное с евразийской точки зрения, что именно начиная с этого момента в политике русских правителей появился азиатский вектор, способствующий объединению евразийского пространства.

¹П. Н. Савицкий. Континент Евразия. / Савицкий П. Н. – Москва: Аграф, 1997. – С. 283.

По мнению Г. В. Вернадского, испокон веков на Руси шла борьба между лесом и степью за влияние на историю и менталитет русского народа, вкладывая в данные понятия совокупность их природного и историко-культурного значения. Всего он выделяет пять периодов русской истории.

- 1) Попытка объединения степи и леса (879–972).
- 2) Борьба леса и степи (972–1238)
- 3) Победа степи над лесом (1238–1452)
- 4) Победа леса над степью (1452–1696)
- 5) Объединение леса и степи (1696–1917)

На первом периоде попытки объединения степи и леса предпринимаются с разных сторон: со стороны Севера, то со стороны Юга. Затем попытки были со стороны хазар и славянских князей. Последний опыт был со стороны Святослава, стремившегося объединить в своих руках течения Днепра (Киев), Нижней Волги и Нижнего Дуная.

Второй период сопровождается борьбой между князьями и печенегами/половцами, основанием поселений в лесостепной зоне, принятием христианства и сравнительно низким религиозным напряжением. Церковь в данный период ещё находится в зависимости от Византии, а отношения с государством ещё не приняли форму симфонии властей.

Третий этап – монгольское нашествие, формально объединившее Русь под властью ордынского хана, происходит отделение Западной Руси от Восточной и присоединение её к Литве и Польше. Московское княжество усиливает своё влияние и начинается объединение русских земель. Церковь освобождается от Византийского влияния. Стоит отметить, что за дату окончания третьего периода Вернадский берёт 1452 год, а не 1480, когда Московское княжество окончательно освободилось от Золотоордынского ига. Причина заключается в основании Касымовского ханства, небольшого вассального княжества в верховьях Оки. Тем самым, Москва уже тогда стала собирательницей осколков Золотой Орды (хотя среди истори-

ков вопрос о происхождении Касымовского Ханства до сих пор считается дискуссионным – М. Ш.)

Четвёртый этап – освобождение от монгольского ига, поход на тюркский Юг и Восток, завоевание Казани, Астрахани и Сибири, взятие Азова. Разделение церкви на две митрополии, расцвет религиозного самосознания и появления патриаршества в Московском царстве, а также раскол старообрядчества.

Пятый период – Российское государство занимает почти всю территорию Евразии. Кризис единого религиозного сознания народа, учреждение Синода. Мощное развитие внешних форм культуры при глубоком и тяжком потрясении духа¹.

Говоря о борьбе между лесом и степью, нельзя не упомянуть значения, которые вкладывал Вернадский в данные понятия. Лес и степь различались по хозяйственно-экономическим характеристикам. Если обитатели лесной зоны были охотниками, то степняки были скотоводами. Земледелие развивалось на лесостепной полосе, хотя Хорезмская область, располагавшаяся в пустыне, была одним из центров земледелия. Русский народ в этих географических условиях стал соединителем двух разных миров. Вернадский писал: «Русский народ не только пахарь, он также лесопромышленник и скотовод, и народ-посредник между разными хозяйственно-природными областями, народ-торговец»².

В течение исторического развития России меняется и ландшафт территории. Как отмечал Вернадский, «природа Евразии в XII веке и природа её в наше время (XX в.) – два разнствующим друг от друга лика»³. И в самом деле, если на заре Древней Руси существовала чёткая граница между лесом и степью, между осёдлыми и кочевниками, земледельцами и ското-

¹Г. В. Вернадский. Начертание русской истории./ Вернадский Г. В. – Москва: Абрис, 2018. – С. 22–23.

²Там же, С. 9.

³Там же, С. 10.

водами, то со временем она начинает размываться. Со временем, степной юг стал земледельческим, переняв черты лесного хозяйственно-экономического типа. Помимо этого, Евразия оказалась связана воедино промышленными, транспортными и экономическими связями, тем самым став глобальным «месторазвитием».

Савицкий высоко оценил труд Вернадского и дополнил его своей «Геополитические заметки о русской истории», отметив геополитическую важность внесения Золотой Орды в рамки изучения русской истории. Впервые на тот момент были подробно расписаны биографии ханов Золотой Орды, правивших в период с 1240 по 1452 год, и их взаимоотношения с русскими князьями. Савицкий высоко отмечал важность их изучения для истории России и отмечал, что наследство Монгольской империи создало почву для развития городов Поволжья, вошедших позже в состав России. Напротив, деятельность Польско-литовского княжества он рассматривает не только как деструктивную, но и не имевшую реальных шансов на объединение Евразии под своей властью. Во многом это произошло из-за несовместимости католической веры, которую исповедовали поляки и литовцы с православной верой русского населения, что повлекло невозможность развития русской культуры в рамках Речи Посполитой. «Русскость несовместима с латинством», как писал Савицкий. Отмечал он и роль державы Тимура в истории России, тем более что она занимала большую часть территории Евразии/СССР. Во-первых, Тимур через своего ставленника Тохтамыша был фактически ханом Золотой Орды. Во-вторых, преемник Тохтамыша Темир-Кутлуй разгромил литовское войско на Ворскле, тем самым фактически сбросив польско-литовское княжество как претендента на объединение евразийских земель. «Вовлеченность Руси на периферию Тимуровой державы имеет большое систематическое значение. Вовлеченность эта, сочетаясь с другими историческими фактами, знаменует

принадлежность Руси (восточных славян) к тому историческому миру, который именуем миром евразийским»¹.

Изучая историю Крымского ханства, Савицкий отмечает особенности его «месторазвития», связанные с черноморским расположением и близостью к Османской империи. Савицкий пишет: «Принужденное признать над собой власть Османской империи. Крымское ханство получило опору в существовании этой империи. С турками крымских татар соединял религиозный момент (мусульманство) и момент племенной (общие турецко-татарские корни); различал признак "месторазвития". Турецкая империя явилась наследницей Византии и усвоила себе "вокруг - цареградское" (в широком смысле) месторазвитие, т. е. северо-восточную (отчасти же восточную и южную) часть Средиземноморья. Крымское ханство являлось наследником Золотой Орды и занимало юго-западную окраину Евразии. Именно началом "месторазвития" определяется "свое лицо" Крымского ханства в составе Турецкой империи. Османская империя удерживала элементы византийской культуры. Крымское ханство хранило степную (кочевую) традицию...»². Тем самым, по мнению Савицкого, Крымское ханство было соперником Москвы в собирании осколков Золотой Орды, особенно на Кавказе и в отношениях с Казанским ханством. Вообще, период с XVI по XIX век евразийцы рассматривали как наиболее плодотворный в плане собирания земель. Именно к концу XVI века начинается складываться облик России как хозяйки восточных земель. На тот момент под властью Московского государства уже были земли Среднего Поволжья, Урала и Сибири, активно осваивавшиеся землепроходцами. На границах России строились форпосты и крепости для защиты поселенцев от набегов (как выразился Савицкий, «замирения»), а также расширения влияния России в регионах. К концу XIX века, после завоевания Средней Азии, завершился

¹П. Н Савицкий. Континент Евразия./ Савицкий П. Н. – Москва: Аграф, 1997. – С. 283

²Там же.

процесс создания единого евразийского государства. Под властью Российской империи оказалась обширная территория от Царства Польского на западе до Камчатки на востоке, тем самым заняв часть территории Монгольской империи периода её расцвета.

В связи с этим, стоит отметить ещё один немаловажный момент, – это противостояние морских и сухопутных держав, талласократия и теллуократия. Данные термины популяризовал отец геополитики Хэлфорд Маккиндер. Так, согласно теории, сухопутные государства отличаются наличием чётких границ, экономической системы, оседлым образом жизни, консерватизмом, стремлением к расширению территории. Классическими примерами сухопутных держав являются Древняя Спарта, Римская империя. Морские же державы отличаются гибкостью границ, демократизмом, адаптивностью. Классическими примерами морских держав являются Крито-минойская цивилизация, Британская империя. Хотя в чистом виде морских и сухопутных держав не существует в настоящее время, поскольку многие страны сочетают в себе признаки как сухопутной, так и морской державы, вопрос противостояния в данном контексте имеет под собой историческую основу. Сам Маккиндер рассматривал борьбу между морскими и сухопутными державами как гонку за обладание «Срединной землёй», сосредоточением всех экономических, географических, политических и культурных характеристик.

Россия в этом плане тем и выделяется, что на протяжении большей части истории у неё не было постоянного выхода к морю: черноморское побережье на протяжении почти восьми веков находилось под контролем тюрков, а выход к Балтийскому морю, которым обладала Новгородская республика, после Смуты был утрачен в пользу Швеции. Архангельск сильно зависел от климатических условий, и был неудобен с точки зрения географического местоположения. Лишь в XVIII веке после победы в Северной войне и двух русско-турецких войн Россия смогла вернуть себе до-

ступ к большей части морских путей, да и то проход через средиземноморские проливы по большей части был закрыт для русских кораблей. Поэтому на протяжении большей части истории, Россия развивалась как сухопутная держава, сосредотачивая свои силы на овладении территории Евразии, которая является центральным регионом планеты. Это наложило определённый отпечаток на мировоззрение русского народа, сделавший его отличным как от Европы, так и от Азии, и на особенности русской культуры, сочетающей в себе многообразие культур малых народов России.

Рассуждая о геополитической природе России, евразийцы считали, что в ближайшее время Китай будет главным вектором международных отношений России. Для России важно не забывать о своём азиатском наследии и приложить усилия для установления с Азией прочных социокультурных связей на основе взаимного уважения. Помимо этого, главным преимуществом России как раз являлось её срединное положение между Европой и Азией, тем самым Россия была мостом между двумя мирами. В целом, евразийцы были приверженцами полицентристской идеи, заключавшейся в том, что мир состоит из нескольких равноправных мировых центров-цивилизаций, к которым относится и Россия-Евразия, отличающихся друг от друга историческим и культурным своеобразием. В противовес атлантизму, попытке создания англо-американски ориентированного мира, евразийцы выдвигали идею многополярности, где равную роль бы имели Китай, Западная Европа, исламский мир и азиатский регион. Географическое положение России в данном раскладе играет выгодную роль как моста между европейским и азиатским мирами.

2.2. Евразийцы о сущности и истории Русского государства.

Обобщая изложенный выше материал, ответим на вопрос – так в чём же заключалась сущность русского государства? В чём заключается особенность исторического развития России?

Для начала стоит отметить, что евразийцы не были историками в подлинном смысле этого слова. Трубецкой признавал, что, будучи по образованию лингвистом и этнографом, он в лице евразийцев не претендовал на исторически достоверные взгляды¹. Но, тем не менее, евразийцы подошли настолько близко, насколько это было возможно, к созданию философско-исторической концепции, примиряющей две разные стихии в составе России.

В обобщенном виде евразийская концепция истории России представлена в работах Н. С. Трубецкого («О туранском элементе в русской культуре», «Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока») и П. Н. Савицкого («Евразийская концепция русской истории», «Географический обзор России-Евразии», «Геополитические заметки по русской истории», «Степь и оседлость»). Общие положения истории России, изложенные Н. С. Трубецким и П. Н. Савицким, были развиты и обоснованы конкретно-историческим материалом Г. В. Вернадским в его работах «Соединение церквей в исторической действительности», «Два подвига Александра Невского», «Русь и Монголы», «Начертание русской истории» и др. Опираясь на труды своих коллег по движению, Вернадский вывел свою собственную концепцию исторического развития России.

Важной идеей, пронизывающей всю евразийскую интерпретацию истории России является идея о том, что историческую Россию начиная с Московской Руси генетически не следует сводить только к Руси Киевской.

¹Н. С. Трубецкой. Наследие Чингисхана / Трубецкой Н. С. – Москва: Издательство «Э», 2017. – С. 197

Равнозначными источниками России являются Хазарский каганат, Волжско-Камская Булгария, а также кочевые союзы тюркских и угро-финских народов степной зоны. П. Н. Савицкий отмечал в этой связи, что восточно-славянские племена долгое время находились в стороне от основных исторических событий, происходивших на евразийском пространстве: «Так называемая Киевская Русь возникла на западной окраине Евразии в эпоху временного ослабления общевразийских объединительных тенденций» и только монгольское нашествие повернуло ее в русло общевразийской истории, но все же вплоть до XV в. русская история оставалась «историей одного из провинциальных углов евразийского мира»¹.

Согласно евразийскому учению, главной заслугой русских правителей является создание всеевразийского государства. Добиться этого удалось благодаря сочетанию византийского и монгольского исторического наследия. Монгольское наследие облегчило русскому народу создание плоти Евразийского государства, а византийское — вооружило русский народ нужным для создания державы строем идей². Пройдя через периоды борьбы между оседлыми земледельцами-славянами и кочевыми тюркскими племенами, Россия сначала в лице Московского царства, а затем и Российской империи объединила осколки Монгольской империи под своим крылом, тем самым подчинив себе Евразию.

По мнению Трубецкого, Киевская Русь не могла справиться с подобной задачей не только из-за постоянных распрей между князьями, но и из невозможности расширения территории и овладения Волгой, тем самым связав Балтийское и Черное море воедино. Она была нежизнеспособна функционировать в условиях предначертанного ей географического местоположения, и обречена рано или поздно прекратить своё существование.

¹П. Н. Савицкий. Континент Евразия. / Савицкий П. Н. – Москва: Аграф, 1997. –С. 124–125.

²Г. В. Вернадский. Начертание русской истории./ Вернадский Г. В. – Москва: Абрис, 2018. – С. 17.

ние, уступив своё место куда более сильной державе. Но Трубецкой одновременно подчёркивает – несмотря на то, что Россия является осколком Монгольской империи, она не равна самой империи, поскольку в Золотую Орду входили Китай, Персия, часть Ирака, Афганистан, которые не являются частью русского государства. В исторической преемственности Россия/СССР не есть вся Монгольская империя, а лишь её основное ядро¹. Но именно это и было преимуществом России, поскольку она была своеобразным мостом между двумя мирами: Европой и Азией, лесом и степью.

Как считал Трубецкой, Чингисхан был носителем большой и положительной идеи, и в его деятельности стремление к созиданию всё же преобладало над стремлением к разрушению². Не отрицая тяжёлых последствий монгольского нашествия, глубокого потрясения, произошедшего в головах жителей Руси, разорения городов и сёл и унижения национального достоинства, он отмечал, что всё же были и положительные последствия. Это был подъём религиозного сознания русского народа. Монгольское нашествие в глазах глубоко набожного русского народа являлось Карой Божьей за совершённые грехи. Одновременно начался подъём русской культуры, строительство новых храмов, появление новых художников-иконописцев и литературных памятников. Началась идеализация русского прошлого доудельных времён, проявившаяся в таких произведениях как «Слово о погибели земли русской» и былинах, в которых главными героями были богатыри, защищающие русскую землю от бусурман-иноземцев. В глазах народа это укрепляло восстание против татарского ига. Помимо богатырей, были и герои среди духовенства, воплощённые как в иноках, так и в мучениках, погибших в Орде. В итоге, в качестве реакции против ига среди русского народа росла волна религиозного и национального героизма. Немаловажным фактором, способствующим расцвету религиозно-

¹Н. С. Трубецкой. Наследие Чингисхана / Трубецкой Н. С. – Москва: Издательство «Э», 2017. – С. 17

²Там же, С. 28

го сознания русского народа, являлся факт веротерпимости монголов. Так, хан Менгу-Темир в 1267 официально освободил православное духовенство от уплаты дани, и запретил мусульманским купцам работать баскаками. Оскорбление (клевета, поношение) православной религии (в том числе со стороны мусульман) каралось смертью. Ордынским чиновникам запрещалось под страхом смерти забирать церковные земли, требовать выполнения какой-либо службы от церковных людей. Благодаря этому ярлыку, а также ряду последующих, русское духовенство составляло привилегированную группу, и именно этим была заложена основа церковного богатства. Об этой странице в истории Русской православной церкви было хорошо известно образованным людям XIX века, например поэту А. С. Пушкину, который в своём письме к П. Я. Чаадаеву писал: «Духовенство, пощаженное удивительной сметливостью татар, одно – в течение двух мрачных столетий – питало бледные искры византийской образованности»¹. В период правления хана Узбека, несмотря на то, что при нём официальной религией был признан ислам, русские князья пользовались поддержкой со стороны Орды. В частности, хан выдал свою сестру Кончаку за московского князя Юрия Данииловича и всячески благоволил Москве в её борьбе с Тверью. Именно при нём институт баскаков был упразднён, а дань стали собирать русские князья.

Помимо этого, монголы оказали и значительное влияние на культуру и быт русского народа. Об этом свидетельствует факт появления в этот период в русском языке ряда тюркизмов, относящихся к государственному (ям, ямщик, ярлык, казак, кочевать), военному (есаул, караул, хорунжий, ура, кинжал, атаман, сабля, кошевой) и экономическому устройству (деньга, казна, казначей, тамга (откуда таможня), барыш, хозяин, харч, возможно также кабала). К тому же, русские купцы получили возможность торго-

¹Судьин Г. Г. А. С. Пушкин как оппонент П. Я. Чаадаева. / Г. Г. Судьин // Электронный ресурс. URL: <https://runivers.ru/philosophy/logosphere/454247/> (дата обращения 30.04.20)

вать со странами Востока (правда только в XIV в.), а совместные походы русских князей и монголов против внешних врагов способствовали защите государства. Во многом именно мировоззрение монголов и определило выбор Александра Невского. Несмотря на всю спорность его фигуры, сложно отрицать возможные катастрофические последствия нового нашествия тевтонских рыцарей, стремившихся обратить славян в католицизм. Именно поэтому, выбирая меж двух огней, Александр предпочёл стать союзником Золотой Орды, несмотря на то, что его отец погиб, будучи в монгольской ставке, поскольку понимал необходимость союза с монголами. Монголы стали надёжной опорой против католической интервенции, помогая русским войскам в отражении нового похода ливонских рыцарей в 1268–1269 гг. Это политическое решение Александра Невского стало основой для развития в дальнейшем русского государства, основанного на православной культуре. Даниил Галицкий же, выбрав союз с Папой Римским, сделал неправильный выбор, поскольку в конечном итоге, Галицко-Волынское княжество попало в зависимость от Польско-Литовского княжества, что в конечном итоге привело к упадку. Тем самым, евразийцы подтверждают свой тезис о несовместимости России с католицизмом.

Монгольское иго помогло русским князьям консолидировать свои силы для объединения русских земель под единой властью для противостояния Золотой Орде. В этом плане князья переняли у монголов идею великоханской власти – неограниченной власти верховного правителя, управляющего обширными землями. Эта идея была весьма привлекательна, и благодаря синтезу с христианско-византийскими государственными идеями и традициями, трансформировалась в новую идеологию великокняжеской власти. Наиболее ярко это проявилось именно в Московском княжестве, во времена правления Ивана Калиты. Для евразийцев главным моментом освобождения от татарского ига были не победа на Куликовом поле, и даже не стояние на реке Угре. Для Вернадского, как уже было вы-

ше отмечено, переломным моментом было установление феодальных отношений с Касимовским княжеством, маленьким татароязычным государственным образованием в верховьях Оки. Трубецкой пошёл ещё дальше – в его концепции главным событием стало распространение власти Москвы на близлежащие территории, некогда входившие в состав Орды. Это произошло при правлении Ивана Грозного после завоевания Казани, Астрахани и Сибири.

Московские князья стали подлинно государственными правителями именно тогда, когда начался процесс присоединения осколков Золотой Орды к русским землям. Главную заслугу в этом деле евразийцы отводят не сколько князьям, сколько фактору духовного перерождения нации и подъёму религиозного самосознания, сделавшим возможным возрождение русского государства на основе тандема великокняжеской власти и православной веры.

Как уже было выше отмечено, евразийцы отрицательно относились к Европе, и, следовательно, к реформам Петра I. Критиковали они его за насаждение европейских порядков в России, и последовавшее за ними изменение психотипа русского народа. Отношения между социальными слоями испортились: дворяне, перенявшие европейские порядки и обычаи и крестьяне, оставшиеся верными традиционным русским ценностям отдалились друг от друга, словно бы они были из разных миров. На государственную службу стали всё чаще нанимать авантюристов, ищущих выгоды от власти. Это привело к тому, что политика государства стала антинациональной, а Россия сбилась с исторического пути.

Это проявилось в насильственной русификации малых народов, входящих в состав России. В древности различные финно-угорские племена, населявшие территорию Древнерусского государства, обрусели естественным образом без насилия и притеснения. И даже татары и башкиры, поступавшие на русскую службу и перенимавшие русскую культуру и

обычай, делали это добровольно. Одновременно, малые народы России приносили часть своей национальной культуры в общую культуру России. Тем самым шёл культурный обмен. Как говорил Трубецкой, «Русское племя создавалось не путём насильственной русификации инородцев, а путём братания русских с инородцами»¹. И в самом деле, во времена Киевской Руси были распространены браки русских князей с половчанками. Тем самым князья укрепляли дружеские отношения с половецкими ханами, а сами половцы приобщались к русской культуре. Россия в доимперские времена была «собором народов» и поощряла разнообразие языков и вер. Политика имперских властей была несколько иной. Так, широко известно о жестоком притеснении башкир и татар русскими войсками под командованием наместника А.В. Тевкелева, тем самым нарушим обещание, данное московским царём не нарушать вотчинного права башкир и уважать их мусульманскую веру. Бесчинства, учинённые русскими войсками, вынудили башкир поднять восстание. В дополнении к этому тезису, немаловажным будет отметить антисемитскую политику имперских властей, запрещавших евреям селиться за пределами очерченной «черты осёдлости», а также политику наместников в Финляндии и Польше, где местные языки оказались под запретом. Всё это указывало на антинародный характер власти, согласно учению евразийцев.

Помимо агрессивной русификации народов Российской империи, евразийцы ставят в упрёк фактическое подчинение церкви светским властям. Православная церковь была голосом совести и носительницей нравственных идеалов, которые были невыгодны имперским властям, копировавшим европейскую модель абсолютизма с его подчинением церкви государству. Но правительство не могло просто поставить Церковь в подчинённое положение, поскольку христианская вера оставалась жива в народе,

¹Н. С. Трубецкой. Наследие Чингисхана / Трубецкой Н. С. – Москва : Издательство «Э», 2017. – С. 77.

и тогда было решено создать Священный Синод. На словах, православная церковь никуда не исчезала. Более того, официальным девизом царствования русских императоров, так называемой «теорией официальной народности», начиная с Николая I, было «Православие-Самодержавие-Народность». Но Трубецкой утверждал, что эта Церковь ничего не имеет с подлинной православной Церковью, поскольку она была полностью подчинена государству. Православие фактически было низведено до внешних атрибутов без какого-либо внутреннего наполнения. Правительство же, чтобы не потерять контроль над церковью, предпринимало все меры для борьбы с диссидентами среди священнослужителей. Ярким тому подтверждением служат гонения на старообрядцев, де-факто продолжавшиеся до конца XIX века, и на различные народные христианские учения (хотя Трубецкой категорически не признавал штундизм, считая его, как ответвление протестантизма, упадочной формой религии). К концу XIX века в церкви назрел духовный кризис: многие выпускники семинарий отказывались от профессии священнослужителей и меняли род своей деятельности, а среди самого духовенства увеличивалось имущественное расслоение, что приводило к конфликтам.

Вместе с тем, в петербургский период своей истории Россия смогла сохранить евразийскую цивилизационную сущность. Продолжилось решение задачи государственного объединения Евразии. К России был присоединен Крым, Кавказ, Закаспийский край, Туркестан, Восточная Сибирь. Вопреки государственной политике ассимиляции инородцев приобрело большую интенсивность естественное сближение и взаимодействие народов Евразии. Н. С. Трубецкой писал об этом так: «...народная русская стихия, инстинктивно ощущавшая подлинную задачу России, усваивала по отношению к туземному населению тактику братания, охотно заимствовала от покоренных разные черты их быта; в новоприсоединенных областях сами собой вырабатывались особые смешанные бытовые типы, которые со

временем могли бы послужить основанием для целой радуги евразийских культур, разновидностей одной, общеевразийской...»¹.

При этом, по мнению евразийцев, правительство оправдывало антинациональную политику «исторической природой России», при этом забывая об историческом контексте и условиях жизни древних времён. В пример, Трубецкой приводил пример стремление русских императоров взять под контроль Стамбул и средиземноморские проливы, забывая о том, что Русь времён Олега не тождественна Российской империи, что походы древнерусских князей были географически оправданы протяжённостью государства с севера на юг и зависимостью от пути «из варяг в греки», что никоим образом не относится к Российской империи, чья территория протянулась с запада на восток. Точно так же критикует Трубецкой и раздел Польши, потому что это привело к усилению Пруссии и Австрии и переходу Западной Украины (Галичины) под власть Австро-Венгрии, что в долгосрочной исторической перспективе создало почву для европеизации и латинизации (укрепления католической веры) Галиции. Также нелестно евразийцы отзывались и о панславизме, идее объединения всех славянских народов под властью России, создании некоего славянского политического союза в противовес западноевропейским странам. Трубецкой писал по этому поводу «... все эти «панизмы», усиливая центробежные силы частнонародных национализмов, подчеркивают одностороннюю связь данного народа с какими-то другими народами только по одному ряду признаков и потому не способны создать из этих народов никакой реальной и живой многонародной нации...»². Савицкий, также рассматривавший данный вопрос, отмечал что западные славяне (поляки и чехи) в культурном плане

¹ Н. С. Трубецкой. Наследие Чингисхана / Трубецкой Н. С. – Москва : Издательство «Э», 2017.– С. 82

²Там же, С. 440.

принадлежат «европейскому» миру¹, а следовательно, ни о каком духовном родстве с русскими речи идти не может.

Конечно, не все евразийцы так категорически отрицательно относились к реформам Петра I. Так, Георгий Вернадский объяснял вестернизацию России необходимостью: если бы Пётр не перенял бы европейскую технику, России бы грозила участь быть порабощённой Европой, превосходившей Русь в техническом плане. Но сподвижники Петра восприняли европейскую культуру не ради защиты, а исключительно ради этой самой европейской культуры, тем самым став насаждать чуждую России культурную идентичность. Также он отмечал рост числа представителей южной Руси (Малороссии) в церковном и государственном аппарате начиная с XVII–XVIII веков. Вместе с собой они привнесли элементы южнорусской культуры в общерусскую культуру, тем самым оказав значительное влияние на её развитие. Одно время уроженцы Южной Руси играли решающую роль в развитии русской культуры (например: Николай Гоголь, Тарас Шевченко, Казимир Малевич, Архип Куинджи, Иван Айвазовский и т.д. Но, тем не менее, большинство евразийцев считали, что политика имперских властей противоречила естественному историческому пути России.

Итогом политики императоров стал уход России с исторического пути, и фактическое переключение страны по новым, европейским лекалам, чуждым её духу. Революция 1917 года стала закономерным итогом антинародной политики царской семьи. Но и большевики, по мнению евразийцев, ненамного были лучше. Во-первых, они являются фактическим продолжателями политики Петра I, только в гораздо больших масштабах. Во-вторых, коммунистическая идеология духовно чужда русскому народу, поскольку берёт свои истоки из Европы, но при этом коммунисты противопоставляют себя остальной Европе, пытаясь навязать марксистско-

¹П. Н. Савицкий. Континент Евразия. / Савицкий П. Н. – Москва: Аграф, 1997. –С. 84.

ленинскую идеологию всему миру. В этом плане евразийцы решительно отвергали учинённое большевиками «насилие над личностью», и считали, что революция не может быть окончательным этапом решения проблемы.

В качестве пути будущего развития России, в своей работе, «Евразийство как исторический замысел», Савицкий высказывает мысль о том, Россия-Евразия должна утвердиться как духовно и материально самостоятельный мир, независимый от Европы. В качестве подтверждения данной теории, он приводит географический фактор, связанный с чётким делением Евразии на зоны: тундру, лесную зону, степь и пустыню, каждую со своими особыми факторами месторазвития. Далее он пишет: «Евразия достаточно целостна внутренне таковой задачей. В истории ее неизменно возникали движения, которые сопрягали в политическое единство все пространство евразийского мира географического, всю область "флагоподобного" расположения зон (скифская держава, гуннская, монгольская, русская). Единству политическому, возникающему с неизбежностью некоего природного факта, отвечает и единство внутреннее – взаимная тяга населяющих ее народов, некоторый строй "национального мира", в ряде проявлений своих резко констатирующего с теми национальными ненавистями и отталкиваниями, которыми полна Европа»¹.

Для объединения Евразии нужна сильная государственная власть, и евразийцы были сторонниками этатизма, как наиболее подходящего для Евразии политического строя. При этом Савицкий подчёркивал, что объединение Евразии не должно быть заслугой одной России, а плодом сотрудничества всех государств, находящихся на евразийском материке. «Нужно, чтобы каждый из народов Евразии, сознавая самого себя, признавал себя именно прежде всего как члена этого братства, занимающего в этом братстве определенное место. И нужно, чтобы это сознание своей принадлежности именно к евразийскому братству народов стало для каж-

¹П. Н. Савицкий. Континент Евразия. / Савицкий П. Н. – Москва: Аграф, 1997. –С. 102.

дого из этих народов сильнее и ярче, чем сознание его принадлежности к какой бы то ни было другой группе народов»¹ — писал по этому поводу Трубецкой.

Идеи евразийцев, касавшиеся межнациональных отношений, поразительным образом коррелировали с национальной политикой СССР. Данный феномен носит название «неосознанного евразийства». Савицкий писал «идея евразийства живет в СССР, но только не осознает своего существования»².

И. И. Орлик в статье «Евразийская идея: возникновение и эволюция» отмечает любопытный факт: «...Пражские евразийцы не случайно подчеркивали схожесть многих их идей евразийского государственного устройства с советской концепцией многонационального государства. В постановлениях ЦК ВКП(б) по национальному вопросу проявлялось своеобразное «неосознанное евразийство»³.

Неосознанным евразийством исследователи называли сторонников сталинского проекта создания СССР, в котором предлагалось объединение советских республик по типу автономизации – вхождения в состав РСФСР в качестве автономных республик. Евразийцам больше импонировала идея «автономизации», которая в перспективе должна была привести к объединению народов России. Особое внимание они уделяли «культурной автономии» в рамках краевого или губернского территориально-административного деления Советского государства. Именно поэтому сторонники «автономизации» иногда назывались советскими «неосознанными евразийцами». В отличие от них противники «автономизации», которых философ А.С. Панарин называет представителями «раннего коммунистического романтизма», рассчитывали «на исчезновение национальных гра-

¹Н. С. Трубецкой. Наследие Чингисхана / Трубецкой Н. С. – Москва : Издательство «Э», 2017. – 440.

²П. Н. Савицкий. Континент Евразия. / Савицкий П. Н. – Москва: Аграф, 1997. – С. 102.

³Орлик И. И. Евразийская идея: возникновение и эволюция. / И. И. Орлик // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. – 2010. – №4. – С. 11

ниц, отмирание государства и слияние народов в единую коммунистическую семью»¹.

Несмотря на то, что в итоге победила точка зрения Ленина, в каком-то смысле, большевики частично реализовали евразийскую мечту об объединении Евразии под началом России/РСФСР. При этом на словах устанавливалось равноправие народов, входящих в состав СССР. Но как уже отмечалось ранее, евразийцы в корне не принимали насаждения коммунистической идеологии, проводимое большевиками, и со временем, диктатуру пролетариата должна была сменить идеология евразийства. Тем не менее, СССР в некотором смысле можно считать воплощением евразийской идеи.

Возвращаясь к исторической концепции Вернадского, можно проследить одну любопытную тенденцию – периоды объединения сменялись периодами раздробленности. Распад СССР, произошедший в 1991 году, укладывается в логику периодизации истории России по Вернадскому. Следовательно, рано или поздно, период раздробленности снова сменится периодом объединения евразийского пространства. Но будет ли это под властью России — неизвестно.

Таким образом, подводя итоги второй главы, можно сделать следующие выводы:

- 1) географическое местоположение России оказало колоссальное влияние на её историю. Располагаясь на границе между Европой и Азией, она на протяжении всего периода испытывала влияние обоих миров, в основном Европы, но в последнее время происходит поворот в сторону Азии.
- 2) Будучи географически наследницей скифской, гуннской, монгольской держав, Россия унаследовала свойственные этим народам, в

¹А. С Панарин. Россия в циклах мировой истории. / Панарин А. С. –Москва: Издательство МГУ, 1999. –С. 175.

частности монголам, черты характера, и на их основе под влиянием православной веры был произведён синтез культур, положивший начало русской государственности.

- 3) Восточная политика России имеет важное значение как для неё самой, так и для всех государств, населяющих Евразию. Укрепление международных связей с Китаем будет способствовать укреплению связей с азиатским регионом и принятию Россией своей евразийской сущности как моста между двумя мирами: Европой и Азией.
- 4) Россия была многонациональной державой, сложившейся к XVI–XVII вв. Многие народы, населявшие территорию России, со временем естественным образом русифицировались и привнесли свой вклад в развитие русской культуры. Таким образом, допетровская Россия была братством народов. С приходом к власти Петра I и трансформацией России в Российскую империю, политика властей изменилась и стала носить антинародный характер. Лишь с приходом к власти большевиков Россия вернулась на путь истинный, но даже это не отменяет того факта, что коммунизм является порождением западной цивилизации, а следовательно не подходит России/Евразии.

Следовательно, Россия должна была выполнить предназначённое логикой месторазвития предназначение и стать мостом между Европой и Азией и самоутвердиться как самостоятельный в культурном и геополитическом плане мир.

Заключение

По результатам исследования темы автор пришёл к следующим выводам:

- 1) Согласно концепции месторазвития, выдвинутой евразийцами, географическое местоположение России оказало колоссальное влияние на её историю. Благодаря расположению на границе между Европой и Азией, она на протяжении всего периода испытывала влияние обоих миров. Если до середины XVI века по большей части история русского народа была сосредоточена в западной части Евразии, на Восточно-Европейской равнине, то начиная с момента объединения осколков Монгольской империи (Казанское, Астраханское, Сибирское ханства) и включения их в состав Русского царства, Россия окончательно утвердилась как евразийская держава. Позднее, в имперский период она укрепила данный статус благодаря присоединению Крыма, Кавказа, Средней Азии и Дальнего Востока.
- 2) Будучи географически наследницей скифской, гуннской, монгольской держав, Россия унаследовала свойственные этим народам, в частности монголам, черты характера и мировоззрение. Благодаря монгольской веротерпимости Русь избежала участи быть насильно обращённой в чуждую ей веру, что вкупе с религиозностью русского общества и восприятию монгольского нашествия как небесной кары, послужило толчком к усилению русской православной церкви, сыгравшей важную роль в объединении русских земель и основании русской государственности.
- 3) Россия была многонациональной державой, сложившейся к XVI–XVII вв. Многие народы, населявшие территорию России, со временем естественным образом русифицировались и привнесли свой вклад в развитие русской культуры. Таким образом, допетров-

ская Россия была братством народов. С приходом к власти Петра I и трансформацией России в Российскую империю, политика властей изменилась и стала носить антинародный характер. Агрессивная политика русификации настроила против себя часть народов, населявших Россию и послужила причиной многих восстаний, а подчинение церкви государству превратило её в придаток государственной власти, приведший к низведению православной веры до внешних атрибутов, не имевших внутреннего наполнения. При этом, справедливости ради, многие представители Малороссии и других регионов Российской империи, благодаря политике властей, получили шанс на самореализацию и внесение вклада в развитие русской культуры. К тому же, благодаря петровским реформам удалось отстоять независимость России от Европы. Тем не менее, политика императоров сбила Россию с её исторического пути. Лишь с приходом к власти большевиков Россия вернулась на путь истинный, но даже это не отменяет того факта, что коммунизм является порождением западной цивилизации, а следовательно не подходит России/Евразии. В конечном счёте, по замыслу евразийцев, коммунистический строй Советского Союза должен был быть заменён идеократическим, созданным на основе евразийской идеологии.

В заключении хотелось бы отметить, что евразийская концепция исторического развития России и по сей день вызывает научный интерес у многих отечественных и зарубежных исследователей благодаря нестандартному взгляду на проблему исторического развития России. Несмотря на некоторые спорные с точки зрения исторической и философской науки идеи, евразийство и по сей день остаётся не только уникальным, крайне недооценённым феноменом русской историософской мысли, но и кладёзем идей, которые являются актуальными на данный мо-

мент в условиях глобального, мультинационального, многокультурного и полирелигиозного общества.

Библиографический список

Литература:

1. Баранов В. Е. Философия личности Л.П. Карсавина. / В. Е. Баранов // Известия РГПУ им. Герцена. – 2008. – С. 7–15.
2. Г. В. Вернадский. Монголы и Русь. / Вернадский Г. В. – Москва: Аграф, 1997.– 412 с.– ISBN 5-85929-004-6.
3. Г. В. Вернадский. Начертание русской истории./ Вернадский Г. В. – Москва: Абрис, 2018. – 256 с.: – 256 с.: ил. – (История России). – ISBN 978-5-00111-452-9.
4. Замараева Е. И. Русская революция как ключевой элемент евразийской теории. / Е. И. Замараева. // Москва: ФУ при Правительстве РФ. – 2018. – №4. – С.160–171.
5. Зыкин А. В. Евразийство в контексте духовной культуры России / А. В. Зыкин // Известия СПбГАУ. – 2015.– С. 433–438.
6. Исаев И. А. Евразийство: идеология государственности / И. А. Исаев // Мир России. Социология. Этнология. – 1994. – С. 42–55.
7. Кефели И. Ф. Зарождение евразийства как идейного движения. / И. Ф. Кефели // Санкт-Петербург: С-ПбГПУ им. Петра Великого. – 2013. – С. 49–55
8. Коктыш В. А. Вернадский о монгольском завоевании в русской истории / В. А. Коктыш // Томск: Вестник ТГУ. – 2005. – С. 51–53.
9. Королев А. А. Евразийство: от идей к современной практике / А. А. Королев // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – №1. – С. 38–52.

10. Кошарный В. П. Философия русской истории евразийцев / В. П. Кошарный. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2014. – №3.– С. 102–110.
11. Малявин С. Н. История русской социально-философской мысли: Пособие для вузов. / Малявин С. Н.. – Москва : Дрофа, 2003. – 256 с.: ил. – ISBN 5-7107-7152.
12. Н. А. Алексеев. Русский народ и государство. / Алексеев Н. А. – Москва: «Аграф», 2011. – 490 с. – ISBN: 5-7784-0046-2.
13. Н. С. Трубецкой. Наследие Чингисхана / Трубецкой Н. С. – Москва: Издательство «Э», 2017. – 576 с. – (Подарочные издания. Российская императорская библиотека). – ISBN 978-5-699-99956-9.
14. Нижников С. А. Евразийство в истории русской мысли и Георгий Флоровский. / С. А. Нижников // Калининград: Вестник БФУ им. Канта. – 2010.
15. Никитенко Е. В. Место России в системе координат «Запад-Восток» в идеологии евразийства. / Е. В. Никитенко // Новосибирск: Интерэкспо-Гео-Сибирь. – 2011.
16. Новикова Л. Политическая программа евразийцев. Реальность или утопия? / Л. Новикова, И. Н. Сиземская // Обществ. науки и современность. – 1992. – № 1. – С. 104–109.
17. Орлик И. И. Евразийская идея: возникновение и эволюция. / И. И. Орлик // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. – 2010. – №4. – С. 7–22.
18. П. Н Савицкий. Континент Евразия./ Савицкий П. Н. – Москва: Аграф, 1997. – 464 с.

19. Плаксенко А. А. Россия-Евразия как особый культурно-географический мир в теоретическом наследии классического евразийства. / А. А. Плаксенко // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – №1. – С. 270–272.
20. Прокуденкова О. В. Категория «месторазвития» в концепции евразийцев / О. В. Прокуденкова // Санкт-Петербург. СПб ин-та. культуры. – 2012. – №3. – С. 11–16.
21. Прокуденкова О. В. Россия как особый культурный мир в концепции евразийцев. / О. В. Прокуденкова // Санкт-Петербург. СПб ин-та. культуры. – 2015. – С. 92–99.
22. Пушкин С. Н. Евразийцы об Октябрьской революции // Философские науки. 2017. – № 6. – С. 98–110
23. Русский мир: Сборник. – Москва : Изд-во Эксмо, 2003. – 864 с. – ISBN 5-7921-0622-3
24. С. Глебов. Евразийство между империей и модерном / Глебов С. – Москва: «Новое издательство», 2010. – 419 с. – ISBN 978-5-98379-135-0.
25. Саблина Ю. В. Государственность как проблема евразийской идеологии. / Ю. В. Саблина // Управленческое консультирование. – 2018. – №8. – С. 31–36.
26. Садыкова К. Р. Понятие "личность" в концепции теозиса Л. П. Карсавина / К. Р. Садыкова // Санкт-Петербург: Вестник С-ПбГУ. – 2015. – №2. – С. 101–111.
27. Самохин А. В. Концепции политического устройства России в классическом евразийстве. / А. В. Самохин. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2010. – С. 98–106.
28. Семенова Ю. А. «Классическое» евразийство: пространственный образ России. / Ю. А. Семенова // Изд-во Урал ун-та. – 2007. – С. 217–219.

29. Сутормин С.О. Концепция месторазвития евразийского аспекта в научном наследии Г. В. Вернадского и П. Н. Савицкого. / С. О. Сутормин // Вестник Томского Гос. Ун-та. – 2014. – № 384. – С. 126–131.
30. Тарасов К. Н. Влияние монголо-татарского ига на процесс формирования российской государственности во взглядах евразийца Н. С. Трубецкого (в контексте консервативного подхода к определению цивилизационных особенностей России). / К. Н. Тарасов // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – С. 113–116.
31. Федоров А. И. Истоки евразийской идеологии в русском славянофильстве. / А. И. Федоров // Тамбов: Вестник Тамб-кого. Ун-та. Гум. Науки. – 2010.
32. Шевченко Н. Н. Основные идеи культуры Н. С. Трубецкого в контексте философии евразийства / Н. Н. Шевченко // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – №3. – С. 297–302.
33. Янковская Н.В. Взгляд Л.П. Карсавина на Россию и его участие в евразийском движении. / Н.В. Янковская //Ростов-на-Дону. – Южный федеральный университет. – 2013. – №5 – С. 35–39.